

10062
9

П О В Ъ С Т В О В А Н І Е

о

233-2-2.

С И Б И Р И.

ЛАТИНСКАЯ РУКОПИСЬ XVII СТОЛѢТІЯ,

ОПЫТОВЫХЪ СТАТІИ

ИЗДАННАЯ

СЪ РОССІЙСКИМЪ ПЕРЕВОДОМЪ И ПРИМѢЧАНІИ

ГРИГОРИЕМЪ СПАСКИМЪ,

ИМПЕРАТОРСКОЙ С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ КОРРЕСПОНДЕНТОМЪ И РАЗНЫМЪ
УЧЕНЫМЪ ОБЩЕСТВЪ ЧЛЕНОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1822.

ПЕЧАТЪ

2-2-833

478743

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи представителямъ были сданы экземпляровъ въ С. Петербургскій Цензурный Комитетъ, для пріимоводенія куда слѣдуетъ на основаніи законоуказанія. Санктпетербургъ, Мая 30 дня 1833 года.

Цензоръ, Статскій Советникъ и Кавалеръ

АЛЕКСАНДРЪ КРАСОВСКІЙ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ЕЯ СІЯТЕЛЬСТВУ,

ГОСНОЖЬ ГЕНЕРАЛЪ - ЛЕЙТЕНАНТНЬ И ОРДЕНА СВ. ЕКАТЕРИНЫ
КАВАЛЕРСТВЕННОЙ ДАМЬ,

ГРАФИНЬ СОФЬЬ ВЛАДИМИРОВНЬ

СТРОГАНОВОЙ,

УРОЖДЕННОЙ КНЯЖИ ГОЛИЦЫНОЙ,

ИМЪЛОСТИВОЙ ГОСУДАРЫНИ,

усердѣвшее приношеніе

отъ Издателя.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Между рукописи книги и рукописани Императорской С. П. бургской Публичной Библиотеки (которыхъ описаніе и изслѣдованіе, совершаемое нынѣ попеченіемъ Начальства Библиотеки и трудами, оплаченыхъ по дарованіямъ и свидѣніамъ мужей, посвятившихъ себя ея служенію, представляла въсегда сѣбѣ единственное въ своемъ родѣ и огромнѣйшее произведеніе учености и полезныхъ изысканій) хранятся двѣ рукописи на Латинскомъ языкѣ, содержащія въ себѣ свидѣнія о Сибири. — Первая изъ собранія Залускаго, подъ заглавіемъ: *Relatio de Sibiria, qua continetur noticia dietae provinciae: et litoris Oceani Glacialis, et Orientalis; a portu S. Michaelis Archangeli, usque ad Chinam, sive Catajum. Item de Calmucis Nomadibus: et quaedam narratiunculae: de gemmariorum, Metalliorum (metalliariorum) et Alchimistarum fraudibus. Scripta anno 1681. Aeternum soli gloria tota Deo. T. e. Повѣствованіе о Сибири, содержащее въ себѣ свидѣніе о сей странѣ и берегахъ Ледовитаго и Восточнаго Океана, отъ Архангельскаго порта даже до Хины или Китая. Сверхъ того въкоторыя извѣстія о кочевыхъ Калмыкахъ и о обманѣхъ ювелировъ, рудоплавильщиковъ и Алхимистовъ. Писано 1681 года. Единому Богу слава во вѣки. Вторая изъ собранія Дубровскаго, подъ заглавіемъ: *Historia de Sibiria sive noticia Regnis (Regni) Sibiriae et litoris Oceani Glacialis et Orientalis: idem (item) de Calmucis Nomadibus et nonnullae narratiunculae de gemmariorum, metallorum (metalliariorum) et Alchimistarum fraudibus. Anonymi autographum circa anno (anno) MDCLXXX. T. e. Исторія Сибири или извѣстіе о царствѣ Сибирскомъ и берегахъ Ледовитаго и Восточнаго Океана; шупъ же о кочевыхъ Калмыкахъ и въкоторыя свидѣнія о обманѣхъ ювелировъ, рудоплавильщиковъ и Алхимистовъ. Безыменнаго сочинителя, около 1680 года.**

Обѣ сѣи рукописи совершенно между собою сходны и различны только въ томъ, что одна изъ нихъ писана стариннымъ, но чепкимъ и кра-

связью почерком; въ другой заглавіе писано самки Дубровскій, а прочее иной рукою позднѣйшаго же времени. Сверхъ того къ послѣдней рукописи присовокуплены, не извѣстно къмъ, не многія прилѣчанія и посвящательное письмо, которое, безъ сомнѣнія, было и при первой, но ошуда вырвано, что доказываютъ осанки двухъ листовъ послѣ заглавія, изъ которыхъ на одномъ могло быть оно написано. О слогѣ же обнѣихъ сихъ рукописей должно сказать, что оной не ведѣ чистѣ и яснѣ.

Древность первой рукописи и тщательность почерка, также многія въ ней слова сокращенно или по чужденному написанныя, и повидимому замѣненныя другими, показываютъ, что она составлялась или подлинникъ или по крайней мѣрѣ глѣбнѣйшій списокъ. Изъ подписей на заглавномъ листѣ видно, что сія рукопись принадлежала Смоленскому Епископу Копоничу, и Виленскому Миссіонерскому обществу (Domus Vilnensis congregationis missionis). Она писана въ четвертку на 64 страницяхъ. Другая рукопись такого же формата, но въ ней 79 страницъ.

Получить дозволеніе отъ Начальства Императорской Публичной Библиотеки на изданіе въ свѣтъ одной изъ сихъ рукописей съ переводомъ, хотя при списываніи и держался я въболѣе, почтительной мною подлинникъ, но свѣрилъ съ нею и другую рукопись и внесъ въ списокъ свой, чего въ оной недостаетъ; что сохранено также мною и въ переводѣ, къ которому сверхъ того приобщены собственныя мои прилѣчанія. Для удержанія въ себѣ переводъ, сколько возможно, оборотовъ и слога Левинскаго подлинника, по необходимости должно было допустить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выраженія, не совсемъ правильныя и свойственныя нашему нынѣшнему языку; но гораздо ближе подходящія къ мыслямъ сочинителя.

Г. Спаскій.

ПОСВЯТИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО СОЧИНТЕЛЯ.

Ad Perillustrem ac Princibilem Dominum, Hildebrandum ab Horn, Sacre Regie Majestatis Danicæ Secretarium.

Præcipiasti mihi Magnifico Horni Benefactor meus perpetuo colende et in precibus memorande: ut Tibi Sibiria (in qua 15 annis exulavi) descriptionem mitterem. Græve scelus admisero, si Tibi morem non dederoc: cuius me inexplicabilem (inexplicabilem) profiteor debitorem. Tarditatem tamen mihi quæso ne imputes. Epistola enim tuæ Nobilitatis ipso Principum Apostolorum festo (anno 1600) Parisiis ad me data, hæc quidem perlata fuit; sed Venedariorum errore alio missa, et post magnam Europæ partem peragrata, iterum hæc relata, mihi vix in fine Nouembrii reddita fuit *). Sibiriam igitur Tibi Liberatori meo, non tam describo, quam delibo. Neque enim cum ibi essem, horum quidquam literis consignabam. Neque tango ea, quæ hæctenus ab aliis prodita sunt: sed quæ ipsemet observabam, et debilis retinuit memoria. Reliquum est, ut Altissimum precor (quod quidem nullo die facere neglexi: ex quo Tuo et Illmi (Illustrissimi) Domini Friderici a Gabel Insulorum Ferrensium Præfecti, Hereditarii in Bavebee, et Moerupgarde, Regiinnper Oratoris, Tuique et mei Benefactoris clementissime gratioso

*) Mostquam fuerat missa: et illuc a Præfeco Postæ, meo amico, insignillata Vilam rexit.

Визакекнйтйшему и высокорядному Господню Гильдебранду фонъ Горну, Его Датскаго Величества Секретарю.

Вы приказали мнѣ достопочтеннымъ Гору, вседашней мой и незабвенный въ молитвахъ благодѣшелъ, чтобы я сообщалъ вамъ описаніе Сибири (въ которой проведѣлъ мною 15 лѣтъ въ ссылкѣ). Невослушаніе мое было бы тяжель пресупудельскъ: потому что я никогда не въ состояніи буду возблагодарить васъ за ваши одолженія; но медлелковости прошу мнѣ не приписывать. Ибо письмо ваше посланное изъ Парижа въ сакой Непровъ день (въ 1600 году), хотя и было сюда доставлено; но ошибкою почтамтона отправлено въ другое мѣсто и спрашиваю по какому краю Европы, возвращено оный сюда и отдано мнѣ въ концѣ уже Подбра *). И такъ я вамъ моему освободителю не столько описываю Сибири, сколько поверхностно касаюсь оной; потому что я въ бытность мою тамъ никакихъ не велъ записокъ. Не касаюсь и того, что издано въ свѣтъ другими, а только что я самъ замѣчалъ и что въ слабой мой памяти сохранилось. Впрочемъ молю Всевышняго (чего правда и не уныкала дѣлать съ тѣхъ поръ, какъ лишался удовольствія видѣть васъ и по-

*) Письмо сіе было отправлено въ Москву, а оттуда Починекострономъ, оный правитель, вертепелашаюе переслано въ Вильну.

aspectu gaudere desi) precor inquam Deum
(Dominum): ut vos longevos incolentesque
seruet. Vale et crede me Perillustis ac
Magnifice Nobilitatis Tuae vigilantissimum
esse cultorem. Scripsit quem nosti.

чтевѣйшаго господина Фридриха Габеле,
качалыка Ферерскихъ острововъ
и вончаника Бевальскаго и Меру-
гардскаго, недавно нанжевовавшаго Ко-
ролевскихъ Пословъ, малосиавѣшаго
швета и моего благодѣшела)—нолю Госпо-
да, да сохранишь васъ долголѣтими и
здравиими. Прощайне и збрате, что я
останьс Вашего Высочородія усердѣй-
шимъ починшелекъ. Писаль извѣшшимъ
Вамъ.

SIBERIA est ultima ad solis ortum Scythiæ, et Moscici regni provincia: Oceano orientati terminata, regno Sincensî contermina.

Qui Mosquâ proficiantur, post emensas quingentas leucas, perueniunt ad flumen Kamam, et ad oppidum dictum Saline Camenses. Ibi enim ex puteis profundissimis, hauritur aqua salis: quæ ferreis infusa lacis, a fornace inferne succensa in salem excoquitur. Hic locus est Russiæ terminus, et Sibiariæ initium. A quo ad Austrum profectitur mons valde longus, sed haud admodum celsus: qui et Russiam a Sibiaria, et Astrachaniam a Calmacia dirimit.

Ad huius montis orientale latus, situm est primum Sibiariæ oppidum Verchoturis, sic dictum a fonte Turæ fluminis, quod non procul inde scaturit et per idem flumen navigatur usque ad alterum flumen maius Tobol: et ex hoc intratur, in tertium flumen maximum, cui nomen Iriscus, ad oppidum Tobolinum, sic dictum, quod contra ostium Toboli in ortuali Iriscis ripa coaditum sit. Numerantur autem a Verchoturis ad hunc locum leucæ fere centum.

A Tobolinò autem, ad usque Sibiariæ terminum, quot leucæ supersint, non ausim affirmare: existimo tamen ingens esse intervalum. Nam qui hiemali tempore Tobolinò Mosquam proficiantur, intra

СИБИРЬ есть отдаленная страна, лежащая на востокъ оупъ Сквоин и Московскаго Царства; она ограничивается восточнымъ Океаномъ и смежна съ Китайскими Государствами.

Отправляющіеся изъ Москвы, проѣзжая пять сотъ миль, достигаютъ рѣки Камы и до города, называемаго Салыкамскъ (1). Тамъ изъ глубочайшихъ колодезей черпаются солоную воду, которая будучи налита въ желѣзные сковороды (циреки), изъ печи съ изду ватрѣваемыя, перепариваются въ соль (2). Сие мѣсто служило границей Россіи и началомъ Сибиря. Оттуда на востокъ простирается отъкъ длинной, но не слишкомъ высокой горной хребтъ, отдѣляющій Россію оупъ Сибиря и Астрахань оупъ Камыскаго-земли (3).

Съ восточной стороны сего хребта находится первый Сибирской городъ Верхотурскъ, получившій названіе оупъ верховья рѣки Туры, же далеко отсюда находится. По ней доплывавши до другой, гораздо бѣльшей рѣки, Тобола, а изъ сей входить въ прешую величайшую рѣку, называемую Иртышъ и достигаютъ города Тобольска, такъ называемаго для того, что оупъ вострошь прешія устья Тобола на восточномъ берегу Иртыша. Оупъ Верхотурскъ же до сего мѣста считался около ста миль (4).

Но сколько миль оупъ Тобольска до конца Сибиря, того же смѣю утверждать:

*) Historiola собственно значитъ краткое повѣствіе, какъ бы повѣствованіе, исторія.

duodecim hebdomadas domos suas possunt reuisere, quamquam hoc iter tria Russicarum verstarum millia (sive sexcentas leucas) continet. Qui autem Tobolinò in Dabrisiam ad ultimam mansionem, dictam Nercium, proficiscantur, non solent eadem hieme remeare.

Sibiria in Moscivae Regum ditionem cessit hoc modo.

Inter plurimas, qui regis Ioannis Basilii tyrannidem deuitantes omnia latrociniis infestabant, fuit quidam pirata, nomine Iarmacus: qui in flumine Volga, et circa ripas, viatores spoliabat; sed cum inaudisset validam aduersum se militie manum appropinquare, relictis suis scaphis consurrexit cum sociis, et Orientem versus progressus est. Cumque pervenissent ad oppidum Vicegdam, (ubi etiam, sicut ad Camam, sal excoquitur) reperunt ibi quemdam salis negotiatorem, hominem locupletem, cognomento Strogonem: cuius posteri etiamnum ibidem loci commanent, ampla possident praedia et magna tractant negotia. Verum nec ad militiam, nec ad curiam vocantur; sed contenti viuunt sua negotiatione, et privilegiis, quibus praeter alios negotiatoribus gauderint. Appellantur singulari titulo, *Iuveniti Eudi*: in supplicibus tamen ad Regem libellis, non se inscribunt, more nobilium, *chokol tvoj*. Sed more oppidanorum, et Villanorum: *tyrota tvoj*: quod vocabulum tam significatu, quam etymologia equipollet voci Vassallus;

думая однако же, что очень далеко; ибо опыждающие в зимнее время из Тобольска в Москву, могут возвратиться в свои дома чрез двенадцать недель, хотя сей путь содержитъ не болѣе шрехъ тысячъ Россійскихъ верстъ (или шестидесять миль); отправляющіе же изъ Тобольска въ Даурию, къ самой дальней крѣпости, именуемой Нерчинскою, ни когда въ ту же зиму назадъ не возвращающіеся (5).

Сибиря сдѣлалась подвластною Московскому Царю слѣдующимъ образомъ.

Въ числѣ кнотихъ, бывавшихъ оныя строгости Царя Іоанна Васильевича и производившихъ посѣду грабежи, владѣлся ижеюторой разбойникъ, по имени Ермакъ. Оныя грабилъ на рѣкѣ Волгѣ и около береговъ ея путешественниковъ: но когда услышалъ, что противъ него идетъ сильная ошрда войска, то бросивъ свои лодки, ушелъ съ товарищами и направилъ путь свой къ востоку (6). Достигнувъ города Вычегоды, (гдѣ также какъ и при Камѣ вываривается соль) нашли тамъ ижеюторого солепромышленника, человека очень богатого, по прозванію Строганова, когото помощки и домытъ ижеютъ путь свое пребываніе, владѣтъ обширными пожельями и занимается важными промыслами. Оны не несуть ни военной, ни гражданской службы, но управляютъ только въ торговлѣ, и по преимуществамъ, которыми пользуются перedy другими промышленниками, ижеютъ особой пеншудъ: именуемыя *людн*; однако же въ челобитныхъ, подаваемыхъ Царю, не подписывающіеся, но обыкновенно благородныхъ, *холодъ твой*, но

significanti Orphanellum, siue Pupillum; et tamen hac voce Goti (gens Germanica) omnes summi et infimi, cum suis reges alloquerentur, semetipsas nuncupabant. Vt proinde nemo mirari debeat, si Moscorum Nobiles, se sui regis *Cholopos* nuncupant: cum per hanc vocem plus intelligant, quam per *Syrotam* siue *Vassalum*; hoc est non aliud, quam per *Strogam*. Sed ut ad *Strogones* reuertamur. Pendunt illi suo Regi amplum quotannis tributum, et in Regni statutis precipua illorum ratio habetur: ut aliquoties nominati, et a nonnullis legibus exempti legantur. Quae priuilegia id circo illis indulta sunt: quod ad Sibiriam acquirendam ipsi plurimum contulerant.

Cum enim memoratus ille negotiator se a Istronibus circumuentum vidisset, ex necessitate fuit liberalitatem: pollicebaturque se illis tunc, et in posterum, commensam, arma, vestimenta, iumenta, et vehicula, abunde ministraturum, dummodo negotia ipsius, illi non interesset. Praedones accepta conditione et secundam pollicita, omnibus ad longum iter requisitis, liberaliter instructi, progressi sunt ad Sibiriam. Cumque peruenissent ad flumem Tobolum (vere iam reuerso) scaphas sibi fabricauerunt (huius enim artificii non ignari sunt Cozaci) et trahis exiatis, iumentisque trucidatis, secundo flumine Tobolo, in Irtaicum de-

как городские и сельские жители, *сирота* моей; каковое название болѣе по значенію, нежели по словопроизводству соотношится слову *вассалъ* (дворянскъ), означающему сироту или жалодѣльнѣе. Впрочемъ Готы (народъ Германскій) эмшнаго и низшаго состоянія въ разговорѣ съ своими Королями называли себя сямъ именемъ; а поному никто не долженъ удивляться, если Московскіе дворяне именовались холопами своего Царя, разукта подъ сямъ словомъ болѣе значенія, нежели сирота или вассалъ, то есть они представляли себя не иначе какъ слугами. Но обратимся къ *Сиротановымъ*. — Они ежегодно платили своему Царю значительную подать и въ Государственнѣмъ дѣлѣ оказывались имъ особенное уваженіе. Они изъята также отъ нѣкоторыхъ повинностей (?). Сіи привилегіи представляли имъ поному, что они очень много способствовали пріобрѣтенію Сибири.

Вышепомянутый промышленникъ, увидѣвъ себя среди разбойниковъ, по необходимости прибѣгалъ къ щедрости и общался съ ними изъ избытка събываемыя припасами, оружіемъ, одеждою, выключилъ *сиротамъ* и *поволжкамъ* и доставлялъ все сіе впередъ, если только они не будутъ разорять его промысловъ. Разбойники заключили условіе, и по общанію, бить достаточное удовольствованіемъ всѣми потребностями для дальняго пуня, пошедъ въ Сибирь (*). Когда пребыли въ рѣкѣ Тоболу (конечно уже по *восточнымъ оной*), то построили себѣ лодки (ибо въ семъ ремеслѣ козачи были искусны), сожгли новозки и поби-

lati sunt: Motque munitione erecta praedae de Tataris agebant, et si quos viros cepissent, ad redemptionem coegebant. Illinc autem leucis sex distabat oppidum dictum Sibir, quod inhabitabat Tatarorum quidam regulus, nuncupatus Kuczum. Ab hoc Tatarum multos emisit cum Cozaciis ad praedia deueniebant; sed propter horum arma ignioma, semper fere illi victi recedebant: donec demum nimis Tatarorum multitudine superueniente, Iarmacus cum morum parte, occubuit: residui autem Cozaci sese in munitionem receperunt. Confestim nuntium ablegant Mosquam, significantes: si Rex ipsis praetorum veniam daret, et opportunitum auxilium mitteret, se ei novum regnum acquiraturos. Annuit ille postulatis, et praetorem illis cum armis, stipendiis et militum suppetiis ablegavit. Paulo post Regulus Kuczum e viuis excessit. Filius autem illius a Cozacorum praetore, quasi ad pacis tractanda federa evocatus, epulis exceptus, et inter pocula (quasi pro Moscorum Regis salute minus fideliter bibisset) trucidatus fuit. Oppidum autem Sibir a Moscis et Cozaciis dirutum. Ab hoc igitur oppidulo, quod primum fuit acquisitum, Russi illas omnes prope et longe disitas provincias, Sibiriae nomine nuncuparunt: quarum singulae sua habent propria nomina, sive a flumine quo unaquaeque irrigatur, sive a natione a qua incolitur. Mosci autem postmodum progredientes ad ortum, reliquis provincias omnes sui iuris fecerunt: erectis ad flumina passim munitionibus, impositisque praesidiis. Ultimum ad ortum est flumen Lena: a quo et oppidum et Provincia

ли влючнаго свота; по рѣкѣ Тоболу приплыли въ Иртышь (9). Тогдашнѣ поспротивъ себѣ остроги, пронаказывая грабежи у Ташарь, и если конормъ захватывали въ плѣвъ живыхъ, плѣвъ принуждали къ выкупу. Въ шестнѣ мѣлахъ отсюда входился городъ называемый Сибиря, въ которомъ жилъ вѣдворой Ташарьскій Князь по имени Кучумъ (10). Посылавные имъ нѣсколько разъ Ташарь вступали съ казаками въ сраженіе; но отнестрѣбальнымъ оружіемъ сихъ послѣднихъ всегда почти были побѣждаемы, пока наконецъ Ермачъ съ вѣдворой частью шоварящей своихъ побѣды былъ чрезвычайнымъ мвожествомъ Ташарь, безпрестанно скончавшихся; а оставшіе казаки возвращались въ свои остроги. Они тогдашнѣ послали въ Москву вѣстника съ предложеніемъ, что если Царь проститъ преступленія ихъ и пришлеть аскорѣ помощью, то они приобрѣдутъ ему козове Царство. Онъ согласился на сіе требованіе и прислалъ имъ начальника съ оружіемъ, прованшюкъ и вспомогагельнымъ войскомъ. Не мнотъ послѣ того спустиа Князь Кучумъ умеръ; а смель его будучи приглашенъ начальникомъ козаковъ, будто бы для заключенія мирныхъ условій, во время ирнрешенія былъ убитъ (вѣдъ нѣмъ предтоже, что не съ вѣдложившимъ усердіемъ вѣдъ за здоровье Московскаго Царя) (11). Городъ же Сибирь Москвитинами и казакми былъ разоревъ. И такъ Россіане отъ сего городка, конпорой они прежде другихъ вѣдъ покорила, всё кахъ окрестнма, такъ и отдѣленныя справя наименовали Сибирью, въ конормъ каждая

nomen assumpsit. Illinc præstantiores sobolinæ, ac nigrarum vulpium pelles proveniunt. Vidi ipse hominem, qui primus supra Lenam mansionem extraxit, Provinciamque illam suo Regi tributariam fecit.

Sibiria tribus constat climatibus, ab occasu ad ortum protensis. Clima primum Boreale, quod mari glaciali alluitur, nullarum terre frugum neque olerum est ferax. Sobolorum tamen et nigrarum vulpium pelles illic proveniunt. Flumina que ab Austro ad Borem in mare exonerantur, ibi supra modum sunt piscosa.

Quo enim magis appropinquant mari, eo magis piscibus abundant. Incolæ nullo præterpiscos et cervinam carnem, cibi genere vescuntur. Neque alibi quam ad fluminum ripas habitant. Nullam cernitur domesticorum animalium genus; præter canes: quos trahis leuissimis iungere et in illis onera transactare solent. Cervi sunt frequentes quorum pellibus Incolæ vestiuntur: hunc tractum Mosci non frequentes incolunt, exceptis oppidis, Brezonis, Turuchano, Lena et si quod est aliud; sed ex proximi climatis oppidis solent emitti milites, qui hic Regis tributa exigant. Hi solent miseros illos quibusdam munusculis demereri et ab illis vicissim sobolinarum pellium materia pro-

hibita suæ nominæ vel opus rûki, какая гдѣ прошекасть, или опъ народа, какой гдѣ обшачастъ. Московские, широкъя завосвакiа даде къ востоку, покорилъ вконецъ подъ власть свою и всѣ прочiа области. Самая ошдаленная къ востоку рѣка естъ Лена (12), опъ которой городъ и область получила свое названiе. Ошнуда вьвозять жѣла лучшихъ соболей и черныхъ лисецъ. Я самъ видѣлъ шого челоука, которой первымъ поспрелъ на рѣкѣ Ленѣ городъ и сдѣлалъ шашонную область подвластною своему Царю.

Сибиря лежить къ трехъ климатъ, кроспиранихъ опъ запада къ востоку. Первымъ климатъ сѣверный, ошмываемый Ледованнымъ моремъ, не привосятъ никакихъ земныхъ плодовъ, ни овощей. Ошнуда получаютъ однако же жѣла соболей и черныхъ лисецъ. Протеканщiа шакъ рѣки въ море опъ юга къ сѣверу, чрезвычайно изобилуютъ рыбою, но жѣрѣ приближенiа своего къ устью. Живели же употребляютъ никакой пищи кромѣ рыбы и оленьяго мяса; а пошому и обшачаютъ только по берегахъ рѣкъ. У нихъ жѣтъ никакихъ домашнихъ животныхъ, кромѣ собакъ, которыхъ обыкновенно запрягаютъ къ легчайшiа саней и перевозятъ на нихъ шажешкi. Тамъ много оленей, которыхъ кожа употребляютъ живели за одежду. Въ сей странѣ мало Московскихъ, вклячая городъ Березовъ, Туруханскъ, Леку (Якутскъ) и прочiа жѣсна. Для собираиъ же податей посылаются солдаты изъ городовъ ближайшихъ климатомъ. Они обыкновенно снабжаютъ шашонны бѣд-

ae ipsais præter tributa accipere, offerunt illis aciculas, hamos, cultros, securas et alia. Decanis vero villarum (quos Knezios vocant) insuper præbent pulles edendas, quibus illi comestis putant se Sybaritarum epulis pastos esse. Est in illo tractu peninsula nomine Mangasia, eratque in illa Moscovicum presidium, ad quod quot annis Tobolinò per Irtsicum, et Obiam mittebantur octo aut decem rotundæ naues, quas koczi vocant, cum comestis et armis; verum quia his terre naues ille impergerunt in syrtis et hæserunt, vt comestus aliaque onera sægre extracta in scaphis ad oppidum vix pertrahi poterint: id circo munio illo nuper destructa fuit, et presidium alio deductum.

In hoc Boreali climate et in contiguo habitant varii populi, proprio quisque idiomate loquentes; videlicet: Vagulei, Ostiaci, Ziriani, Brati, Dañiri, et si qui sunt alii. Omnes autem sunt Idololatæ^{*)}. Idola ipsorum sunt trunci lignei secus vias defixi, quorum summitas aliquam humani capitis figuram referre videtur. Alligunt illis pelles sobolinas: quas si qui aliquando Mosci auferebant, non impune id eis celebat. Mysther illorum nuncupantur Seitannici a Tataris, Samani a suis, et plerique sunt fatidici. Hos si quis e Rus-

^{*)} Idola lignea, quæ videbant illi Hollandi, qui transire volebant mare glaciæ ad Chiam inter bosan Zenias et istas Sibiriz Regiones.

яковъ наготовленными вещами и получаяши отъ нихъ въ подарокъ соболья мѣха собственнаго для себя сверху подешей, предлагая имъ иголки, уды, ножи, шошоры и другія вещи. Спаршившаимъ же селеніямъ (которыхъ называюмъ Князьями) доставляютъ они сверху того разные роды кружекъ, которыхъ насытившихся воображаютъ себя, какъ бы на паршеснѣ Сибаритовъ. Въ той же странѣ есть полудосирокъ Мангасей, гдѣ бывае Московскоя гарнизонъ, для котораго ежегодно присылался изъ Тобольска по Иртышу и Оби, восемь или десять кружмъ судовъ, называемыхъ почками, съ провизаюмъ и военными снарядами. Но какъ она два или три раза попадала на мели, и тамъ останавливалась нахъ, что провизаиъ и другія шехосни едва могли бытъ выгружены и перевезены въ городъ: то крѣпость сія недавно разрушена и гарнизонъ выведенъ въ другое мѣсто (13).

Въ северномъ климатѣ и смежномъ съ нимъ обитаюмъ разные народы, говорящіе каждаго собственнымъ нарѣчіемъ, какъ то: Вогулчи, Остяки, Зыряне, Вурямы, Дууры и въкоторые другіе. Всѣ они суть идолопоклонники^{*)}. Кумиры ихъ не что иное, какъ деревянные чурбаны, поставляемые при дорогахъ; верхняя ихъ часть по видимому представляется въкоторомъ подобіи челоувѣческой головы. Она казѣвшиваиъ на нихъ соболья шкурки, которая иногда Москвитяне похищали; во сіе безъ наказанія имъ не проходило. Жрецовъ ихъ Ташары называюмъ Шайтанами, а сами

^{*)} Деревянные кумиры видѣлъ Голландецъ, предпринимавшій путь Ледяноюю моремъ, между Новою Землею и нѣкимъ областью Сибири, въ Финляндію.

ais de rebus sibi eventuris, consulat: iubet Samanus se, ab illo qui consulit, sagitta vel fronsa transigi per latera. Quod ubi factum fuerit, telum corpori infixum haeret: ille autem humum prolapsum, per horum cresciatur, ac sprumat. Demum iubet ut telum extrahat is, qui infixit: neque enim alius potest, et sanguis quidem nullus apparet, nec cicatrix, telum autem feruidum sit ac si ex igne extractum fuisset. Tunc samanus solet multa futura predicere.

Sed observatum fuit, illos, qui dictos hariosos consulissent, nunquam post modum serio hilares visos fuisse, et infelici exitu terminasse vitam.

Alterum clima medium, predicto contiguum, incolitur a Russis et Tataris. Orpida in eo sunt, Verchoturia, Tumenum (Tataricorum Regularum olim sedes) Tara, Tobolinum Metropolis (ubi residet Episcopus Metropolitanus et Praetorum primas, qui reliquis Sibiriae Praetoribus imperat) Tomium, Krasnoiarum, Kuzencii (Кузнецкiй), Ienisseum, et alia in quibus praesident quae bini, quae singuli Praetores seu Palatini triennales (a Moscis Voiesodae nuncupati) cum militibus optime instructis. Tormenta ignis multa habent. In alia autem munitionibus presidiorum praefecti resident. Hoc clima est frugum ferax: et agricultura in eo facilissima. Solum enim nulla indiget fini impinguatione. Rusticus equum levisimo aratro iunctum propellit, et stivas idem ipse dirigit, et hoc fere currendo peragit. Neque enim humum profundius ultra tres digi-

они Шаманами; многие изъ нихъ суть вѣщунки. Если кто изъ Русскихъ пожелаетъ знать о будущемъ, то Шаманъ великъ вопрошающему поразитъ его въ бокъ стрѣлою или копьемъ. По совершении сего волшебное орудіе остается въ пѣльѣ, а онъ падаетъ на землю, мучится цѣлѣй часъ и выпускаетъ ибву. Напоследокъ приказывается изморгнувъ желѣзо тому, кто оно возложилъ: ибо другой сего сдѣлать не можетъ, и не бываетъ видно ни крошки, ни рамы, а желѣзо дѣлается столь горячимъ, какъ будто бы извлечено изъ огня. Тогда Шаманъ обыкновенно предсказываетъ много будущаго. Замѣчено, что пѣ, которые у сивъ гадателей возжигались, не бывають послѣ того веселы, и оканчивають свою жизнь несчастнымъ образомъ (14).

Другой, средній климатъ, смежный съ предыдущимъ, населенъ Русскими и Татарами. Въ немъ города: Верхотурье, Тюмень (древнее жительство Таттарскихъ Князьковъ — Regularum), Тара, Тобольскъ славный городъ (гдѣ имѣеть пребылаіе Митрополитъ и Губернаторъ начальствующій надъ прочими Сибирскими Губернаторами), Томскъ, Красноярскъ, Кузнецкъ, Енисейскъ и другіе; въ кошорыхъ заходясь въ извѣстъ два, а въ другомъ одинъ начальникъ или вѣдѣшникъ, сибѣаемыя чрезъ три года (кошорыхъ Москвитяне, называють Восходама) (15), съ воинскою командою ввозождно вооруженно. Она имѣють много отисстрѣльнаго орудія. Въ другихъ же крѣпостяхъ находясь начальники гарнизоновъ. Сей климатъ плодотосенъ и къ земледѣію удобенъ: ибо земля не требуетъ удобренія навозомъ. Поселянныя

tas proscindit. Feni quoque salcandi singularis est ibi modus. Falces habent nostratibus breviores, et tenuiores, et manubrio recurvato in utramque partem versatiles. Itaque falcator, nunquam gratis falcem mouet; sed ea tam dextrorsum, quam sinistrorsum vibrata, utroque ieta demetit herbam.

In huius et Borealis climatis confiniis arborum quaedam nascitur, de genere picearum, procerissima, et rectissima, et quae in trunci diametro quatuor palmos continet. Cedrum vocant *), nec forsitan falso, est enim aedificiis aptissima: et nuces fert affines illis, quas Finislas vocant Itali (quanquam non oblongas) ex quibus oleum exprimant. In hoc medio tractu, sobolinæ perpanax, harnelcinæ autem, vulpinæ, et alcinæ pelles proueniunt plurimæ. In occidentali autem plaga ad fines Astrachaniæ, reperitur quoddam falconum genus, quos Krecietos vocant. Maiores sunt communibus falconibus, aspectu vivacissimi, et ad captandas aues prestantissimi. Hos venantur deputati Tatari: et quotquot contigerit per astatem capi, hieme pro singulis Praetor præbet singulas vecturas: in quarum vnaquaque unus venator, cum sua voluere Mosquam pervehatur. Rex partem pro suo usu retinet,

*) Кедры встречаются также в южной части восточных Карпатских гор, но восточнее Карпатских гор.

запретивши въ легкую соту коня, потопивъ его, а самъ въ тоже время держась за рукоятку управляешь оолою, и сію работу отправляешь почти бѣгомъ, вспахивая землю въ глубже прѣзь двойнокъ. (16). Сѣнокосеніе въ семъ краѣ также особеннаго рода: косы употребляютъ гораздо короче и толще вахши и на изкривленной рукояткѣ обращаются на обѣ стороны; а потому сѣнокосецъ никогда не двѣтаетъ косы напрасно; но она будучи обращена на право и на лѣво, сама коситъ траву (17).

Въ предѣлахъ сего и сѣвернаго климата произрастаетъ лѣсокосное дерево изъ рода сосекъ, прямое и простое, которое въ поперечникъ или простирается до четырехъ четвертей. Называютъ его кедромъ *), и можетъ быть безъ ошибки: ибо очень годно на строеніе. На немъ родится орѣхъ, подъ именемъ Италіанскаго кедръ (дерева и непродолговатые); изъ нихъ выжимается масло (18). Въ сей средней области соболей очень много; горностаявъкъ же, ласки и ласкиныя кошки изволеть изъ оной довольно. Въ западной странѣ къ предѣламъ Астраханскимъ попадаются въ которой родъ соколовъ, называемыхъ кречетами. Они больше обыкновенныхъ соколовъ, одарены быстротою взоромъ и очень способны для хищельства (19). Изъ промышленности Татарамъ, и сколько лѣтокъ удѣлись наловить, выкоз Восвода дасть для каждаго по одной новшкѣ, въ конѣ вскакой лѣтѣ съ своимъ хищникомъ отправляются въ Москву. Царь осваиваетъ ихъ лѣсколко для себя, а осваиваетъ обыкновен-

*) Кедр встречается также и въ южной Россіи въ горахъ Карпатскихъ, сходной по величинѣ; но плоть произрастаетъ въ несколько мѣсяцевъ.

partem solet nomine muneris ad Persarum Regem mittere: a quo cum gratiarum actione suscipiuntur.

Itineram duplex est ratio. Hieme proficiscuntur supra trabes, a canibus, sicut praediximus tractas, sed ob difficultatem nemo hoc iter suscipit, nisi Praetoriae vel Regii nuntii. Reliqui viatores, aestate sua itinera faciunt per aquas. A Verchotaria, secundo flumine Tura, Tobolo, et Irtyse, prope mare deferuntur in Obiam. Quo flumine aduerso intrant Tomum: et cum perueniant ad quendam Isthmum, sive exiguum terrae spatium, inter duo flumina (Tomum et Jenisseum) situm, ibi merces et navigia, per terram ruptata Jenisseo flumini impetant: quo secundo, ad eundem nominis oppidum appellant, et sic ad reliqua. Hoc iter licet patiatur illud extrahendarum nauium incommodum, non tamen caret suis peculiaribus commodis quia videlicet tam Marinorum, tum terrestrium periculorum (quae a tempestatibus, piratis, bellis, et latronibus feriuntur) est immune.

Tertium Sibiriae clima efficiunt campi vastissimi, in quibus Calmaei Nomades sua armenta pascendo vagantur. Sunt autem hi populi diuersa natio a Tataris: cum diuersa utrisque sint linguarum idiomata et facies, et superstitiones. Nam Tatarisunt Mahometani, Calmaei autem Idolatrae esse videntur. Mysta simplex illis vocatur Mandra, Episcopus Laba, Patriarcha Kutucha.

во отсылаетъ въ подарокъ къ Шаху Персидскому, которой изъ принимаетъ съ благодарностію.

Сообщеніе вышеи шамъ двойное. Землю Эдзидъ на саняхъ, запреженныхъ, какъ выше я сказалъ, собаками; но по причине неудобства ижеко за сію Эдзиду не отказивается, окрѣчъ возводеніи на Царскихъ тонцовъ. Прочіе же люди совершаютъ путь въ лѣтнее время водою. Оны Верхонурья по рѣкамъ Турѣ, Тоболу и Иртышу достигаютъ Оби и самаго моря. Въ верьхъ же по сей рѣкѣ входятъ въ Толь (Кемъ) и когда дойдя вупъ къ иѣкорому перешейку, или небольшому пространству земли между двумя рѣками (Томью (Кемью) и Енисеемъ), то перевозятъ сухонущие повары съ судами и плывають по рѣкѣ Енисею, которой достигаютъ до города того же имени, равно и до прочіихъ иѣствъ. Хотя сей путь представляется неудобство въ сухонущиой перевозкѣ судовъ; но ижесть и особенныя свои выгоды, будучи безопасенъ оны воденыхъ и сухонущихъ бѣдствій (каковыи угрожаютъ бури, война и разбойники) (30).

Третьи Сибирскій климатъ составляють необозримыя степи, на которыхъ вочущіе Калмыки пасуть свои стада. Но сіи народы различаютъ по колѣннхъ съ Татарами: ибо особенныя ижеють нарѣчіе, языкъ и обряды вѣры. Татары суть Магометане, Калмыки же по видному идоолоклонники. Обжновенный жрецъ называется у нихъ Маанда, старшій жрецъ Лаба, первосвященникъ или первенствующій жрецъ Кушунши (31).

In solennioribus sacrificiis, Mandra cataphractus, galeatus, arcumque cum sagittis gestans, peragit quosdam motus ac gestus, quasi a Furiis incitatus: vertit se in omnes partes: et sic atque illic arcu intenso, sagittam, ad circumstantem spectatorum consuetam collimat, omnesque terrore ac tremore replet. Tandem de repente sagittam eiaculat, et si quem sauciat, aut occidit, ille bestus, esse creditur.

Vtantur Calmaci globalis precatoris, adinstar nostratum Rosariorum: nisi quod numero a nostris differant, et omnes sint sequales: et quando recitant preces, ad singulos globulos dicunt, *Omnium Bismecium*, hoc est Kyrie eleison, et alia quedam verba addant.

Singulis annis cum prima nix ceciderit, illem colligunt, liquefaciunt, et aquam illam ad expiationes per annum asseruant. Rationem sui facti reddunt: quia, inquam, aliquando: Deos hominibus de cetero farinam plaebat, sed postmodum propter hominum scelera illud beneficium subtraxit. In huius igitur gratiae et beneficii diuini memoriam, nos primam nitem asseruamus.

In pileorum autem, summitate, singuli (quasi ex quadam lege aut religione) gestant floccum rubeum adinstar rose ex serico vel panno aliquo adutum. Cassam si quis querat, respondent: Deum ali-

Во время торжественных жертвоприношений Мандра, одетый въ панцирь, шлемъ на головѣ шлемъ, а въ рукахъ лукъ со стрѣлами, производить въ-которыхъ движенія и кривлянья, какъ будто мучимый Фуріями: оборачивается на всѣ стороны и направляетъ лукъ сюда и сюда прицѣлывается стрѣлою въ головѣ предстоющихъ, приходя всѣхъ въ ужасъ и содроганіе. Наконецъ вдругъ пускаешь стрѣлу, и если кого поранишь или убьешь, того почитаютъ блаженнымъ (22).

Калмыки употребляютъ молниенные шаржен, на подобіе нашихъ чашекъ, кромѣ, что оныя числомъ различны оныя нашихъ и всѣ между собой одинаковы. Когда они молятся, то при каждомъ шаржѣ говорятъ: *омъ ма ни будъ ме хомъ* (*omniam bismecium*) ш. е. Господи пожалуй, присоединя къ тому и въ-которыхъ другія слова (23).

Они каждый годъ, какъ скоро упадетъ первый сѣвъ, собираютъ его, размалываютъ и сію воду хранятъ, для очищенія грѣховъ, чрезъ цѣлый годъ. Причинею такового обыкновенія поставляють то, что будто бы въ-когда Богъ износилъ людей съ себа жужу и послѣ за беззаконія ихъ лишилъ сего благодѣанія: а потому, какъ говорятъ они, мы въ возпоминаніе сей малости и благодѣанія Божія сохраниемъ первый сѣвъ.

Каждый изъ нихъ (какъ будто по въ-которому закону или обряду хѣри) носитъ на головѣ драгый пучокъ, на подобіе розы, спланный изъ шелка или сукна. Если кто спроситъ ихъ о причи-

quando in terram descendisse; et homines ob peccata reprehendisse; et ab illis insanientibus vulneratum fuisse; ut sanguis copiosus deflueret. In divinis igitur sanguinis honorem, se signum illud rubrum in capitibus gestare profiteatur.

Referam hic de quodam Calmaco historiolum, quam ab eximie auctoritatis et fidei viro teste oculato recitatam audivi. Cum enim quodam tempore ille ipse, qui haec narrabat, a suo rege, ad quemdam Calmacorum Taisam, hoc est Ducem (in Casanensibus campis demorantem) legationem obiret: contigit ut narrabat, quemdam Calmacum ad ipsam venisse, et sacro baptismatis fonte abba petuisse. Quaerebat Orator: a quem ille conversus aut quomodo persuasus hanc rem postuleret. Respondebat ille: se ignorare illud: nisi quod audivisset: Christianos (qui baptisati sunt) solos salvari, ideoque supplicare, ut propter Deum se facerent Christianum. Orator igitur iussit illum a Presbytero, quem secum habebat, catechizatum baptizari: quo facto homo ille non exibat ex oratorio (hoc est ex tentorio), quod erat ad recitandas preces debvum) ibique assidue Deum precabatur: vix ad cibum sumendam exibat. Ha permansit in Oratione continuus, donec post aliquos dies, ibidem eius corpus examine reperi- tum fuit.

Alter huic similis casus contigit in Si-

иб сего обмыковенія, то они ошѣтеш- куишь: вѣогда Богъ низводилъ на землю, изоблачаль людей въ ихъ грѣхахъ, которые по безумію своему, такъ разжили его, что изъ разъ истекало очень много крови; и потому красной звакъ сей носящъ они въ честь Божіей крови.

Я помню здѣсь извѣстіе о вѣкопорожъ Калмыкъ, слышавшее мною ошъ почтеннаго и достовернаго мужа, бывшаго очевадимъ тому свидѣтелемъ. Въ одно время, разказывавшій сіе, отправаиль былъ ошъ своего Царя въ посольствѣ къ вѣкопорому Калмыцкому Тайшѣ, то есть Князю (жибашему пребываніе близъ Казани). Случилось, что пришелъ къ нему вѣкопороый Калмыкъ и просилъ свянаго крещенія. Посланникъ спросилъ его: кѣмъ ошъ былъ обращенъ или какииъ образомъ убѣжденъ къ принашію оаго. Калмыкъ ошѣтешковалъ, что ничего не знаетъ, а только слышалъ, что одни Христіане (которые крещены), получавшъ спасеніе, и для шого умоляешъ ради Богъ учинить его Христіаниномъ. И шнѣкъ посланникъ приказалъ священнику, которой при немъ находился, обучить его Кашихазсу, ошрестить. По совершеши сего повокрещавшій не ошлучался изъ величавнаго доха (шо есть изъ поланика, которая поставлена была для ошпривлеченія Богослуженія) и шнѣкъ режественно молился Богу, едва только выходя для принашія лица. Такииъ образомъ упражнялся ошъ въ непрестанномъ моленіи, пока спусти вѣсколько дней найдешъ былъ шнѣкъ жертвннъ.

Другой подобной сему случай произо-

biria. Presbyter quidam erat Ienisseii, nomine Demetrius, a natura abstemius et integerrimus vir, mihi familiariter notus: a cuius filio adolescente permodesto optimeque edacato haec audiveram. Haud procul, inquit, ab oppido Ienisseio habitabat quidam Scytha. Qui cum in Dominum salutem ac Deum nostrum Jesum Christum clam credidisset; decreverat sacrum baptismum non sine familia expetere, sed per aliquot annos, ob uxoris obiurationis, tam pium opus differerat. Denique quodam die, praesentens quodammodo (licet bene valens) sibi de propinqua morte imminere: iussit famulum, unum secum, accepto reticulo, scapham conscendere, et in quandam Ienisseii fluminis insulam trajicere, quasi pisciturus. Quo cum pervenisset, famulum misit ad oppidum, ut Presbyterum Demetrium exire rogaret, quantoque in insulam trajicere, quod haberet, ei rem quandam necessariam dicere, quam moras non pateretur. Presbyter appulit: Scytham baptizari postulavit. Cui respondit ille: non posse id illico fieri, sed oportere illum sex hebdomadis, de more catechizari. Subiunxit iste: Non ita poter; sed statim me baptiza: quia nunc sum moriturus. Sacerdos igitur illum sacro fonte abluit. Ille autem vix una hora supervivens exspiravit. Equum suum Presbytero legavit: et in oppido apud Ecclesiam tumulari petiit. Mox Presbyter accessit ex oppido sociis, levaverat defuncti suavit, et terrae mandavit.

шелъ въ Сибирь. Въ Енисейскѣ былъ инокъ одной священику, именемъ Деметрій, мужъ отъ природы воздержимъ и очень честимъ, съ которымъ я былъ довольно знакомъ, и отъ сына его, скроулиго и хорошо воспитаннаго юноши, о семъ слышалъ. Не далеко отъ Енисейска, сказывалъ онъ, жилъ одинъ Татаринъ, который утробавъ въ Господа Спасителя и Бога нашего Иисуса Христа, рѣшился принять святое крещение со всею семействомъ; но по причинѣ укоравъ отъ жены несколько лѣтъ ожидалъ столь благочестнаго дѣла. Наконецъ въ инокъ одинъ день, почувствуя какому-то образомъ (хотя былъ и совершенно здоровъ) скорое приближеніе смерти; велѣлъ прислужнику, взявъ небольшую сѣня влечь съ нимъ въ лодку на одинъ островъ рѣки Енисея, какъ будто бы для рыбной ловли. Коль скоро туда достигла, то послалъ онъ прислужника своего въ городъ, уживенно просивъ священика Деметрія, какъ можно скорѣе прибыть къ нему на островъ, которому захѣреть онъ сообщитъ о какомъ законѣ дѣлѣ, иерархическѣмъ медленности. Священикъ прибылъ; Татаринъ требовалъ окрестить себя. Онъ отвѣщивалъ, что сего не возможно намъ исполнить и что должно впередъ обучаться шесть недѣль закону Божию. Татаринъ присовокупилъ: иди отцу сей часъ окрестить меня: посланку я иди же умру. И такъ священикъ окрестилъ его, а онъ прожилъ не болѣе одного часа идуштилъ духъ. Коль своего ожидалъ священику, и просилъ себя похорошить возлѣ церкви. Священикъ не

Calmaeorum campus extenditur Astrahanie finibus usque ad Catalogum, aliquot hebdomadarum itinere vix permeabilis; sed totus sterilis: quia solum arenosum est, et saluum. Abundat enim lacubus; quorum aqua per aestatem iuxta littora, in salem condensari solet *). Herba crescit quidem, sed humilis; arbores autem, non nisi secus fluminum ripas cernuntur. Oves ipsorum maiores sunt nostratibus: caudas habent pingues, quarum una duas, tresve libras adipis continet. Sed lana illarum est nimis crassa. Salem, quo abundant Calmaei spectant, nec ad omnem cibum adhibent, exceptis illis, quae asseruata, alioquin computrescerent.

Flumina quidem complura ab ipsis defluunt in Sibiriam, sed non sunt ibi tam piscosa, et hic. Praeterea cum lino, et per consequens careant retibus, haud multum piscationi intendunt. Ob eandem lani inopiam non possunt sibi conficere Tentoria nostratibus similia: sed pilos vasorum condessant in quendam quasi pannum crassum, quod Italis Feltrum dicitur, et illo, circa Centes humi defixos, circumligato, firmant sibi tuguria, quae Kibit vocant. Manent in uno loco; quod iumentis pascuis appetunt. Deinde commissatis omnibus pellunt greges alio. Aestate pascent in parte australi, appropinquando Bucharis, Mangalis et Sinis:

медленно призывая из города его показищей, перевези шло усоншого и предаль земля.

Калмыцкия степи простираются отъ предѣлов Астрахани даже до Китая. Въ нѣсколько ведѣль едва можно ихъ перейти. Вся вообще безплодна: ибо почти земля несчаева и соляными изобилующая озерами, концы воды около береговъ обыкновенно стучаеица въ соль *). Правда что росеица шамъ справа, но низкая; а деревья въ нѣдѣ ильи, кромѣ какъ по берегамъ рѣкъ. Овцы ихъ больше нашихъ: хвосты имѣють жирне, но концы одиеть по два и по три фунта жиру въ себѣ содержитъ. Но шерсть ихъ очень груба. Соль, которою Калмыцкия справа изобилуетъ, въ небреженіи у нихъ, и не во всякую зиму употребляется, кромѣ той, которая будучи сберетаема, испортилась бы безъ соли.

Хотя ошпуда высекаеица въ Сибирь многія рѣки; но оиы шамъ не столько изобильны рыбою, какъ здѣсь. Сверхъ того Калмыки не имѣя лѣву, а слѣдовательно сѣтей, не много и занимающа рыболовствомъ. По причинѣ шого же недоспашка въ лѣвъ, ои не могутъ дѣлать для себя полатокъ, подобныхъ нашихъ; но сдѣлаеица коровью шерстью на образецъ иждитората шолсато сукна, которое Италіанци называеица войлокомъ, и оное призываеа около колыезъ, вошкнущихъ въ землю, дѣлаеица себѣ шалаша, называеица кибишами. Оиа дошолѣ пребываеица на одиомъ мѣстѣ, пока доспашеица корна для ихъ

*) Sunt similes lacus in Crimea.

*) Подобныя озеря выекаеица въ Крыму.

autumno autem petant loca Sibiriae propinquiora, ob lignorum copiam. Hinc quidam Taisæ (et ne quidem ibi presente duo) vt possent in finitimis illis, et dubii iuris terris pacifice commorari pacti sunt Domino Moscorum Begi tributum pendere. Fœdum nullum præparant: sed pecora ipsorum coguntur hieme virgultis pasci, iumenta autem rumpendo virgulta et niuem huc atque illuc disiциendo, miseram herbam quaerunt.

Quod vero ad militiam atinet, procedunt ad prælia optime armati: hoc est galeati, bastati, et squamatis thoracibus cataphracti. Vtuntur sagittis, et francis, sed breuioribus, præ nostratibus, et non curatis. Sicas quis dixerit Romanorum; ipsi salinas vocant.

Natio est populosissima: vt putetur Scythis ipsis, seu Tataris, haud cedere multitudine. Obseruatum autem a Moscis, eo tempore quo Sibiria subacta fuit, Calmascos aut paucos fuisse, aut non admodum celebres. Vnum aliquem Taisam seu Ducem habebant. Postmodum vero in eam multitudinem excreuerunt, quæ vix estimari possit. Idecirco sicut Lipsius de Iudeis admiratur, quidnam de illis faciendum Diuina providentia statuerit: ita dehac quoque natione nonnulli cogitant (sed aliam ob causam) quidnam ab illis ex arcano Dei decreto, nobis expectandum sit. Notum enim est: obscuras quidam nationes, Gatos, Vandalos, Heralos,

скопа. Наконецъ дождь склавшись, гонять стада свои въ другое мѣсто. Лѣтомъ она пасушь ихъ въ южной странѣ, приближаясь къ Бухарджъ, Монголамъ и Кашайцамъ, осенью же удаляюшя въ близжайшия къ Сибири мѣста, но избѣгаю шая въ дровахъ. Имѣя ибковорные Тайши (и даже въ бытность мою тамъ двое), для спокойнаго пребыванія въ оныхъ неизмѣримыхъ и не совсемъ приваждляющихъ ихъ земляхъ, обзавались Государю Московскому Царю плащныя дань. Сѣна они не заготовляють; во скотъ ихъ зимою довольствуется кушарниками, обрѣзая лѣшны, и разгребая себѣ ищень травы.

Чтоже касается до войны, то они идущъ на сраженіе вооруженные, какъ по въ плащать, съ конями и въ чешуйчатому панциряхъ. Она упопреляюшь стрѣлы и сабля, во коротче нашекъ и незакривленныя. Оружіе которое Римляне имсвовали княземъ, она возмлають сулиманъ.

Сей народъ есть многолюднѣйшій и какешия ночи не уснуваешь въ томъ самыхъ Склавъ или Татарыхъ. Но Москвитине замѣтили, что во время покоренія Сибири Калмыковъ было не много и она былъ не очень славы. Она имѣли тогда одного только Тайшу или Князя, а послѣ нахъ размножился, что едва можно ихъ изчислится. Для того, какъ Липсій (24) съ удивленіемъ говоривъ объ Иудеяхъ, въ разсужденіи того, какую участь предъпредѣляло имъ Божіе провидѣніе, нахъ ибковорые духами и о сѣмъ народѣ (но по другой причинѣ), чего вамъ должно оны него ожидать по неизповѣдимыхъ судьбамъ Божіимъ. Ибо

Selanos, Hunnos, Saracenos, Tataros, Turcos, et alios, ad exigendas ab aliis populis scelerum penas diuinitus haud semel fuisse immissos. Auctoritatis summae vir, Morozius Boris, procerum Mosciorum primas, ex me querebat: num auditi aut lecti percepissent famam, de Altia Tsar, Kou Taiss, Ablaj Taiss, Vezarta Taiss, et de aliis Calmacorum, tum antiquioribus, tum vicentibus Taisis siue Ducibus. Dicebam, mihi nomina illa eandem inaudita fuisse. Ille vero mirabatur, si ab historicis Europaeis (quorum me putabat esse peritus) tam numerosa ac bellicosa nativ silentio fuisset praeterita.

Olim ut diximus, Calmaci unum habebant Principem; nunc habent plures: quos vocant Taisas: quique numerosos ducunt exercitus; et inter se interdum bella gerunt. Cum Moscis autem omnes Taisae bonae vicinitatis iura seruant: dummodo ipseum legati, benigne tractentur; quod et praetari solet a Moscis diligenter: ne multum constet. Cum enim aliquis Calmacorum legatus Tobolinum aduenit; non admittitur ad praetoris praesentiam (nisi veniat a magno siue Primario Taissa), sed in suburbio assignatur ei diuersorium: et emittitur vnus Secretarius, qui eius propositionem percipiat. Solent autem hi legati non aliam nisi aduentus causam proponere, nisi ut intellegant de salute serenissimi Domini Moscorum Regis, et ut significant Dominum suum Taisam bene valere: et esse promptum ad Regis Maiestatis Mosciae Ser-

uitamentum, quo ibiоторме незнаемые народы: Гошм, Вагдам, Геруам, Славакк, Гуны, Сарацаны, Ташары, Турки, и прочие неоднократно опы Вога были посланы для наказания других народов за беззаконіа. Почтеннѣйшій мужъ Ворисъ Морозовъ (25), першій Московской вельможи, спрашивалъ меня: не имѣю ли я свидѣнія, по слухамъ или изъ чужеземіа о Царѣ Алшмѣ, Ховтайшѣ, Аблаѣ Тайшѣ, Везартѣ Тайшѣ и о другихъ Калмыцкихъ какъ древнѣйшихъ, такъ и въ живыхъ находящихъ Тайшахъ или Князяхъ. Я сказалъ, что не слышалъ объ ижезвѣ ихъ: онъ же удалился, что Европейскіе Историки (о которыхъ онъ почиталъ меня свидущимъ) умолчали о столь многочисленномъ и воинственномъ народѣ.

Прежде, какъ я выше сказалъ, Калмыки имѣли одного Князя, имѣя же имѣють многихъ, которыхъ называють Тайшами. Они предводительствуютъ многочисленными войсками и притомъ ведутъ междусобную войну. Съ Москвитинами же всѣ Тайши наблюдаютъ нравъ добраго соседства, если съ посланцами ихъ обходятся благосклонно; что обыкновенно Москвитяне тщательна и исполняютъ, чтобы ето не дорого стоило. Но по прибытіи въ Тобольскъ какого нибудь Калмыцкаго посланника, не допускаятъ его видѣться лично съ Воеводою (если онъ прислалъ же опы знатнаго или первоостатейнаго Тайша); но въ предвѣстіи города отводятъ ему посподней дворъ и посылають къ нему одного секретаря, который прикидываетъ его предложеніе. Сіа посланника представляють обыкновенно къ другой при-

uita, cum tota sua militia, quando-
cumque et quocumque ire ac militare in-
beatur. Tunc legatus tractatur variis po-
tionibus: et præbentur ei cibaria quoti-
die liberaliter: et in discessu donatur
ei duo trevæ textus panni communis;
et pro Taisa datur pannus præstantior.
Legati autem illi, eo quod liberaliter
tractentur, integris annis ibi hærere so-
lent, licet nihil habeant, quod agant.
Nonnulli tamen, qui petunt et digni esse
videntur. Mosquam peruehuntur: unde
cum mancribus præstantioribus solent re-
verti.

—

Exemplum fidelitatis Calmaeorum
insigne vidi. Cum enim Prætor Petrus
Gadunius (volens suo Regi singulare quod-
dam fidelitatis ac solertis præbere spe-
cimen) aliquot Mercatores eo militæ ab-
legasset in Cataiam cum mercibus Sibi-
riensibus ibi commutandis: eamque pe-
racto suo negotio Muros Sinenses egressi
essent, inaudierant Calmaeos intestino
bello configere. Idcirco iuxta muros dictos
substitierunt, donec tutum redeundi tem-
pus eis adueniret. Hærebant ita bimestri
circiter. Cum autem id intellexisset Tai-
sa Selengensis (hoc est, qui circa ripas
Selenge fluminis habitat), aduenit cum
sua militia ad mercatores illos timore cor-
reptos; æquissime illos assumptos, usque

чину своего прибытия, какъ только,
чтобы узнать о здравьи прескѣпальншаго
Государя Московскаго Царя и довести,
что его Государь Тайша здравствуетъ и
готовъ ко услугамъ его Московскаго
Царскаго Величества, равно и идти
всезамъ со всякъ своими войсками,
когда только и къ какое мѣсто повелѣно
будеть. Тогда посланнику утверждая раз-
личныи образомъ: доставляя къ нему
скадываю въ избытокъ съѣстные прина-
сы и при отъѣздѣ даряшь два или три
кусака обмыкованнаго сукна, а Тайшѣ
посылать самаго лучшаго сукна. Послан-
ники сѣ по такому хорошему къ яки
обращенію, проживавши тамъ обмыко-
вано двамъ годамъ, хотя бы и якокого
не имѣли дѣла. Нѣвопорныхъ изъ нихъ
по собственному желанію, и если призна-
ются достойными, отпраляють къ Мос-
кву, откуда возвращаются они съ заключе-
ныи подарками.

Я видѣлъ особенный примѣръ кѣрвоста
Калмыцкой. Когда Воевода Пётръ Голу-
новъ (желая доказать своему Царю от-
личную преданность и усердіе), послалъ
къ Китай нѣсколько купцовъ съ служи-
щихъ съ Сибарскими товарами, для об-
мѣна оныхъ на тамошніе товары, и они
оковчивъ своею торговлю, вышли изъ Ки-
тайскихъ сѣвъ, и услышавъ, что меж-
ду Калмыками производилъ жестокая вой-
на, остановились подлѣ сѣвъ, до оки-
данія безопасности для ихъ возвращенія,
гдѣ и промедляли около двухъ мѣсяцевъ.
Въ то время Селеганскій Тайша (по
есть кочевавшій близъ береговъ Селега-
та), узнавъ о семъ пришелъ къ купцамъ,
чрезвычайно устрашеннымъ, съ своимъ

ad Moseicæ ditionis oppidum Iemiseium adduxit: præbitis equis et canelis ad onera transportanda. Misit cum illis suum legatum, qui declararet se esse promptam omni tempore Moseicis siue legatis, siue negotiatoribus in Cataium pergentibus præbere iumenta quotquot postulaverint, et suam militiam ad custodiam. Ita igitur omnes Taisæ amicitiam cum Moscis obtulerunt. Reperiuntur tamen nonnulli predones qui nulli Taisæ obtemperant: et hi interdum Moscis faciunt negotium: præsertim circa oppidum Tarum et Krasnofarum, tempore messis depradando ac captivando agricolas.

Prætor Tobolensis quotannis aduerso Irtisco emittit classem quadreginta et plerimum nauium veliferarum in Caluaciam ad lacum salum, qui flumini est propinquior. Iter absolvitur quadrimestri, ibi præstolator (quadrimestri) aliquis Taisa (Ancian vocabatur nuper) cum suo Vlasio sive Tribu sibi subdito. Quod enim Tataris Orda hoc Caluacis Vlus dicitur. Mosci quam primum appellunt, explosis iterumque repletis tormentis, fistulisque missilibus excedunt, Taisam salutant, et datâ acceptisque obsequiis exstruant eodem die in litore munitionem, ex qua adductis tormentis se contra perfidiam defendere possint. Sale de lacu collecto nauigis cenant. Merces commutant, non vendunt: neque enim in mundanis illis est vna pecunia. Mosci advectant merces omnis generis. Caluaci offerunt pecora,

войскою, и взяли ихъ съ собою, провозилъ до города Московскаго владѣнія Енисейскя, давъ имъ лошадей и верблюдовъ для перевозки шкурокъ. Онъ опиравалъ шакке съ вины и посланника своего съ предложениемъ, что готовъ во всякое время снабжать пословъ и купцовъ Московскихъ, приближавшихъ къ Камѣи какъ лошадьми, сколько они потребуютъ, шакъ и войскою командою для охраны ихъ. Такимъ образомъ всѣ Тайши сохраняли дружбу съ Москвитянами. Однако же находились въяснорые разбойники, неподдавшиеся никакому Тайшѣ, которые причиною Москвитянамъ обиды, особливо знающимъ близъ городовъ Тармъ и Красноврска во время жатвы, производя грабежъ и увоза съ собою рабочихъ людей.

Тобольской Воевода ежегодно посылаетъ караванъ, состоящій изъ сорока и больше судовъ съ парусами, въ веряхъ по Иртышу къ Калмыцкую землю къ соляному озеру, ближайшему къ той рѣкѣ (26). Оной достигавешь суда въ четыре ждѣнца, гдѣ ожидаетъ его въкоторой Тайша (ктоето прежде называла Авциномъ) съ своимъ улусомъ или подвластнымъ ему народомъ. Ибо что у Татаръ называется ордою, то у Калмыковъ улусомъ. Какъ скоро Москвитяне суда приблизятъ, то амаланъ изъ пушекъ и оныхъ зарядовъ ихъ и играя на флажахъ, приблисткуютъ Тайшу; а по взятіи съ обиды сторожъ заложниковъ, въ шестъ же день высправляютъ на берегу небольшую крепостцу, изъ которой бы привезенныи пушками могли задержать въ случаѣ вѣроломнаго виадеша. Добытъ изъ

imenta et melotas suas, et Cataiense Tabacum. Vendunt etiam seruos, ancillas, agnatos et liberos proprios. Quí si triscitur, dicunt ad illos: vade miser hilariter, quia melius tibi ibi erit: non enim ita famem poteris, sicut apud nos pateris. Itaque nullus est in Sibiria alicuius facultatis vir, qui non tnum vel plures Calmacos seruos ancillasque habeat. Demum oneratis sale nauibus, et nundinis peractis, obsides utrinque recipiuntur, et Moscú datis Taisar munisculis, explosisque tormentis, a littore solantur.

Возвращаясь к описанию Сибирских купцов, мы увидим, что они продают не только свои собственные товары, но и чуждые, привозимые из других стран. Они продают также своих собственных рабов и рабынь. Когда же купцы нагружат свои суда солью и окончат торговлю, разбивавшиеся в различных местах, они собираются в Тобольск, чтобы выдать подарки и выкупить из плена своих соотечественников.

Adesse autem solent semper in eodem mercatu Bucharorum negotiatores: qui eo loco nihil negotiantur; sed cum mercibus suis in Moscorum classe, Tobolinum devehunt. Sunt autem Buchari natio, non tam barbara ut Tatari, licet lingua uisuntur Scythica, et Mahometani sint superstitioni addicti. Statura sunt proceri, ac facie venusta. Belli, predia et atrocissis haud gaudent, sed agricultura et mercatura student. Habitant in curatis oppidis et regem habent proprium. Venustatem quia minus bellicosi sunt, sequuntur Calmacis tributum pendere. Ut se à vexatione redimant. Hocum negotiatores frequentant Cataium: et illuc

озера соля, нагружают их суда. Товары свои они продають, а непроданный; либо сами же продають десятку не бывають въ оборотъ. Москвитяне привозять туда товары всякаго рода. Калмыки пригоняють розалой скоть, лошадей и привозять сладости и Кашанской шабахи. Они продають также слугъ, служавокъ, родственницъ и собственныхъ своихъ дщевъ. Если которме изъ нихъ опечалется, то они говорятъ имъ: спускай бѣдьяка съ радости, потому что шебъ тамъ будетъ лучше; там же будешь шерить шаваго голода, какой у насъ шеритьша. И потому къ Сибири хощъ въ одного человека, съ соотечественъ, которой бы не шѣлъ у себя одного или многихъ слугъ и служавокъ изъ Калмыковъ (37). Наконецъ нагружая суда соляю и окончивъ торгъ, разбивавшиеся в различныхъ местахъ, собираются сѣдлазъ Тайшѣ небольшие подарки и выкупають изъ плена своихъ соотечественныхъ оныхъ берета.

Хотя и Бухарскіе купцы занимаются такою же торговлею, но къ намъ хѣсть оной не производять, а отправляють въ Тобольскъ съ своими товарами на караванъ Москвитяны. Бухарцы сушь народъ не споль варварской, какъ Татары, однако же говорятъ варвѣжъ Славянскъ и держатся Магометанскаго исповѣданія. Они высоки ростомъ и притоки лицемъ. Войнами, грабежами и разбои не занимають, а криверемъ же земледѣлю и торговлю, живуть въ каменныхъ городахъ и иждивъ своего Царя. Но славу же они не слишкомъ возмещаютъ, но привужденъ бывають платить Калмыкамъ дань, чтобы избавиться оныхъ

hieme supra camelos, vestas autem in sacibus (sicut praediximus) advectant merces suas Tobolinum: scilicet Gossipiam, et Pannos Gossipinos variis coloribus tinctos, quos Mosci Kitaiesi vocant. Advectant et Cinamonum, sed crassum et vile, et genus quoddam aromatis, dictum Badian quod in Sibiria paucos ante annos innotuit. Uem illius Moscialium nesciunt, nisi ut aquam vite illo coediant: que exinde fit dulcis, quasi saccharo condita esset. Quidam autem curiosi, enixis illud probare conatus est: et affirmabat, sibi videri idoneum ad potum agrorantibus (loco usitati decocti hordeaci) porrigendam. Vitis enim exhilarandi illud habere docebat; et Turcicus Kase, Simensemque Ciaj idem negotiatores advectant: quod quidem eandem usum praestat, quem Kase, sed diversa est planta. Advectant et Tabacum Cataiensem, adeo subtiliter concisum, ut cum capillis humanis subtilitate certet. Multi ob subtilitatem non credebant esse Tabacum, donec Russi negotiatores constanter affirmarunt se oculis inspersisse, ubi Cataiensis Tabaci folia ad illum modum concidebant. Est autem idem Tabacus coloribus, fusco, flavo, et viridi tinctus. Fuscus suavissimum exhalat odorem: et ad inebriandum foetior est reliquis: ut qui cupidi debiliores sunt, ab illo abstinere cogantur. Maceratur autem, ut referunt, in sacchari fecibus. Solent Cataienses, et ab illis edocti Russi, miro modo, Tabaci fumo se inebriare: ex quo concidunt, et quasi engramenti tremant. Multi illo modo inebriati animas exhalant. Cataienses tamen, multis exemplis eruditi, tali periculo cartat.

привъезженія ихъ. Купцы изъ часто въезжаютъ въ Китай и ошугда привозятъ въ Тобольскъ земю изъ верблудахъ, а льшошь (какъ я уже сказалъ) на судахъ свои товары какъ то: хлопчатую бумагу и бумагами разноцвѣтными шкани, которыми Москвитине называють кишайками. Они привозятъ также корицу, но красную и низкаго сорта и въжоторой родъ земля, называемого бадьянь, которое въ Сибири за нѣсколько лѣтъ предъ симъ стало бытъ извѣстно. Москвитине не къ чеху его болѣе не употребляютъ, какъ только разсмороднявають изъ водку, которая ешь того дѣлается сладкою, какъ будто подслащена сахаромъ. Извѣсто изъ любонимыямъ старался изыскать оное подробно, и утверждаетъ, что бадьянь, по мнѣнью его, годенъ къ употребленю къ пашне болѣеымъ (вмѣсто обжигоненнаго азвара). Ибо извѣраль, что оной въбѣшь слау развеселить; пѣ же купцы привозятъ Турецкой кофе и Китайской чай, которой хотя иденъ на такое же употребленю, какъ и кофе, но ешь различное съ онымъ разсвѣно (об). Привозятъ и Китайской шабохъ, столь мелко изрѣзанной, что тонкость его почти равняется человеческому волосу. Многие по сей причинѣ не почитали его за шабакъ, пока Русскіе купцы не извѣрили твердо, что она видѣла своими глазами, какъ Китайцы шабачные листы разрѣзываютъ столь мелко; а изъшошь бывають тошь шабакъ темной, желтой и зеленой. Ошь темнаго производять весьма приятной запахъ, и оной къ ошавѣно торозо сильнѣе прочахъ: шакъ чшо ошавѣна слабые голозомъ,

Habent enim quaedam fistulas aereas, quarum orificium dimidium putaminis aequalitate necesse non adaequet; qua fistula repleta, ac exhausta (ob drossos parvitate) periculo caret.

Aduccant denique Buchari gemmas et illa imperitis, incantisque emptores circumvenire miris solent modis. Crystallum enim variis coloribus tinctum ostendant; quod in varias figuras efformatum, gemmas quasi rudes, ac inelaboratas exhibet unâ cum eorum radicibus, sive cum adherentibus quibusdam sordibus, seu naculis, ut videantur recenter è montibus eratae. Singulae gemmae, diuersis figuris fusa, ac effigiae sunt: (singulae) vt inter centum, nulla sit alteri figurâ similis qua varietate visâ emptores facile decipiuntur. Narrabo unum casum. Tribunus quidam Germanus venerat ad Bucharam: petiit gemmas, elegit haud paucas, et persoluto pretio, domum rediit gaudens. Aduocavit alium Bucharum ciuem Tobolensem, regionum falconariorum praefectum, nomine Azbakiem. Quasiuit ex illo; quam bene mercatus esset, et quod-

прикуденн бывають воздерживаться от курения. Его замаривають, какъ гово- рятъ, въ сахарномъ растворѣ. Кипятятъ и заучиваются отъ нихъ Россіине имѣть обыкновеніе закуривавшіе табакъ-нымъ дымомъ до чрезвычайной ослѣбленія: отъ чего падаютъ и какъ бѣснующіеся дрожатъ. Многіе такимъ образомъ ослѣбнвши лишались жизни. Однако Кипятятъ, заучиваеме въ шомъ многими прихотрами сей опасности не бывають подвержены. Ибо они имѣють въ некоторыя жѣдныя трубочки, которыми опареніе еда разавается половинъ скорлупы лебеднаго орѣха; каковую трубочку на- клавши полую и закуравъ (по причинѣ желосини приему) не прерывають никакого вреда.

Наконецъ привозятъ Бухарце драгоцѣнныя камни и оными обманываютъ удивительнымъ образомъ, несѣдущимъ и многорожнымъ покупателямъ. Они показывають разныя цѣпьовыя хрустала, которой будучи образовавъ въ разныя фигуры, представляють видъ драгоцѣнныхъ камней, какъ будто трубымъ и еще необдѣланнымъ камешкъ съ нѣк. машками, или съ прилипшими къ нимъ какими либо нечистотамъ или съ пышками, чтобы они казались недавно вырытыми изъ горы. Каждой камень представляють различную фигуру, такъ что въ снѣгъ или въ нѣчь ни одного подобнаго другому; каковую разнообразность увидѣвъ покупатель, легко обманывается. Я расказу вамъ одинъ случай. Изъ которой чтеознать изъ Нѣвчезъ пришелъ въ Бухарцу потребо- вать драгоцѣнныхъ камней; избравъ нѣсколько ихъ и закладивши что она сто-

nām esset Mosquæ illarum gemmarum pretium. Ashakeius detracto mox annulo, gemmam unam, alteram, ac tertiam, adamante attrivit (in quibus illico sulci apparuerunt) et respondit: vides, inquit, hos sulcos? Scito non esse gemmas, sed Crystallum. Si enim essent gemmæ, adamas eas haud apprehenderet, nec sulci fierent. Tribunus citavit negotiatorem ad tribunal; sed nihil profecit: quia ille se non illas adulterinas, sed alias sincere gemmas vendidisse aiebat. Accedat hic alia, sed de metallariorum nequitia fabula. In oppido Tula aderant duo ferrifodinarum operarii, qui composita fraude libellam porrexerant, indicantes, se reperisse argenti venam. Iussi edere specimen, laudantes à se lapides igni adhibuerunt, et nonnulli argenti eliquati exhibuerunt. Missi Mosquam, et iussi coram curiæ ministris, iterum iterumque facere experimentum, nihil argenti excoquere poterunt. Bapti igitur ad torturam, confessi sunt, se prima vice argentum terræ inanis cuisse, idemque eliquatum exhibuisse. Itaque taureis castigati, Tobolinum deportati fuerant. Eodem tempore, in districta Tobolensi, in campo quodam, (supra flumen Isctum sito) non procul a monte illo qui, (ut prædiximus) Astrachaniam à Sibiria dirimit, erat Moachus quidam magus vocabulo Iob: qui prædicabat, se à lapidibus vicini montis, argentum excoquere: quod et vendebat particulatim conflatum. Sciendam enim est, Tataris Sibirianisibus in more esse, ut cum nobilioribus viris, arma, et vasa argentea, et equestrum ornamenta, sepeiant, additis interdum etiam pe-

или, съ веселымъ духомъ возвратился домой. Призвавъ къ себѣ другаго Бузарца Тобольскаго жителя, извѣстнаго надзоръ за Царскими соколами, по имени Албакея, спросилъ его, выгодно ли сего покупка и какую бы цѣну должно было заплатить за шѣ каменъ въ Москвѣ. Албакей тотчасъ свѣдѣнъ съ палача перестень, потеръ одинъ, другой и третій каменъ, алмазомъ (на которыхъ тотчасъ появились рубцы) и опшѣчалъ: видите ли вы сѣ рубцы? такъ авайте же, что это за драгоценные каменъ, а хрусталь; ибо еслибъ были каменъ, то алмазь вѣрогъ бы ихъ рѣзавъ и сдѣлалъ сѣхъ рубцовъ. Чивованъкъ позвалъ Бузарца въ судъ; но ничего не выгратъ, ибо оубъ утверждалъ, что продалъ ему не шѣ ложные, но другіе настоящіе драгоценные каменъ. Есть также другая повѣсть о плутовскаго рудоплавильщиковъ. Въ городѣ Тулѣ были два рабочника оружейнаго завода, которые вклучивъ обманъ, подали прошеніе, объявляя въ ономъ, что они завали жалю, содержащую серебро. Получить приказаніе предписатьъ пробу, взялиме имя каменъ подвергши дѣйствию огня и позволили вѣсколю добытаго чрезъ шо серебра. Будучи отправлены въ Москву, и получивъ приказаніе повторить вѣсколю разъ опытъ въ присутствіи Министровъ, не могли ни сколько серебра выплавить. И такъ взяли ихъ въ вышку, и они признались, что въ первой разъ прамѣшали въ желю серебро и выплавить оное показывали. За что были наказаны кнутомъ и отосланы въ Тобольскъ. Въ поже время въ Тобольской округѣ въ одной мони-

conia *) cum ibi essem, obiit quidam Bucharis vocabulo Marat. Fama ferebatur octo millia rublorum, id est aureorum, cum illo fuisse sepulta. Illius sepulchrum cum quidam Mosci milites tentassent referre, et accusati fuissent, tauris castigati fuerant. Exstant autem in Sibiria passim antiquorum Scytharum sepulchra ignota, supra que iam virgulta aut silvae enatae sunt: quaeque non aliter, quam Magica Daemoniorum ope reperiri possint. Nonnulli igitur, se propterea Magiae ad dicunt, et repertis talibus sepulchris interdum nonnihil argenti effodiunt. Ipse vidi vasa argentea eo modo effossa. Supra dictus igitur Monachus Ioh hac ratione argentum acquirere solebat: etiae Magiae suspectus esset, vasa effusa confabatur, et vendebat, mentiens se, de montis praedicti lapidibus argentum conflare. Adhaerens eo tempore Tabolinum Praetor quidam, qui et ipse magus erat et Daemonium annulo, ut vocant, inclusum habebat. Hic ad montem illum, ex quo Monachus Ioh argentum conquirere ferebatur, misit milites, qui multos ei lapides adferrent, qui quidem, edinstar argenti splendebant, sed nihil erant aliud, quam friabile et inutile Talcum. Unum e lapidibus illis sumptum coram frequentibus conviviis ostentabat, ei ductis ex imo pectore suspensis dicebat, se desiderare, ut posset cognoscere, quidnam ibi lateret.

*) Scythorum est Tartaria Sibiricae pars et Bucharis in mare casio ut eam habitantibus viris omnia et vasa aurea et argentea et ceterorum ornamenta sepeliunt, adhiis interdum etiam pecunia. Etiae in Podolia, Ukraina, Moldavia, inveniantur talia.

спиртъ (лежащемъ выше рѣки Песети) недалеко отъ хребта ондѣляющаго (какъ выше я сказалъ) Астрахань отъ Сибири, былъ въкоторой опшелякъ, искусный въ чародействѣ, но имевъ Iowa, которой разнуслилъ слухъ, что онъ въ какой блжней горы вылавлялъ серебро, которое и продавалъ въ слаткахъ. Ибо кадобно знать, что Сибирскіе Татары имѣють обычай погребать съ знамѣйшими людьми оружіе, серебряныя сосуды и всякія убрания, приспособуякъ иногда къ тому и въсколько денегъ *). Въ бытность мою знавъ умеръ въкоторой Бухарець по имени Муранъ. Слухъ носился, что съ нимъ зарыто было восемь тысячъ рублей по еста вальныхъ монетъ. Въкоторыя Русскіе солдаты покусились вырыть его гробъ, и бывъ изоблаченъ, наказанъ за то кнутомъ. Въ Сибири повсюду находятся неизвѣстныя гробницы древнихъ народовъ, на поверхности коихъ поросли уже кустарники или лѣсъ и которыя не иначе можно отыскать, какъ съ помощію демонскаго чародейства (39). И пошому въкоторыя на сей конецъ обучающія чародейству и вообще таковыя гробницы, выкапываютъ иногда въсколько серебра. Я самъ видѣлъ выкопанныя шакиръ образцы серебряныя сосуды. И шакиръ сказанной опшелякъ Iowa самъ способомъ отыскивалъ серебро; а дабы

*) Кадобно знать, что у Сибирскихъ Татаръ и Бухарцевъ есть обыкновеніе съ дѣшевыми людьми класть въ могилы оружіе, вазоны и серебряныя сосуды и всякую сбрую, приспособуякъ къ тому и въсколько денегъ. Такое обыкновеніе существуетъ въ Польдѣ, Уралѣкъ и Молдавіи.

Interex ex composito, aderant illi duo, relegati Metallarii nebulones, quibus ille quasi ex inopinato conspexit, exclamavit: Neus vas bene adestis. Dfécite mihi, quæso, quid putetis in hoc lapide contineri? Responderunt illi: Domine fieri nequit, quin hic sit argentum et quidem copiosum subdidit ille. Constate igitur vos et elicitæ argentum. Responderunt: non posse id fieri nisi prius curarentur ex Hollandia adheci quædam mineralia corpora, que adtalem operationem requirantur. Quibus auditis, quidam conviva dixit: Domine nihilistia credere: ego enim tibi in hac ciuitate inueniam tres et plures fabros argentarios, qui tibi poterunt hodie experimentata, sicut probationem facere. At ille ira commotus acriter consuiam obiurgauit, querens: ubi studuisset arti Metallariæ, et quis cum constituisset fabrum argentarium. Ad Regem autem ascript, esse talem montem plenum lapidibus, qui tati argenteo resplenderent; et ex quibus quidam Monachus sepe argentum conflasset. Rex his perceptis, statim miso in Saxoniæm Nuntio, peritum aliquem Metallarium, accersiri iussit. Venit quidam Magus occultus, ex illorum numero, quise Rosææ crucis fratres vacitant. Paulo post et Prætor Mosquam reuocatus, iussisque fait, solum laudatum lapidem exhibere, quem Metallarius cotam Rege pararet. Porvenit ille, accepit iste: et mox iniectum mortario commisit, igni adhibuit, et conflasset. Adertat Rex: et consiliariorum primas, qui fixis oculis iudicabat, ne que fram inferocinet. Tandem peracta liquatione, Metallarius inuentum infundendo, unam al-

юе подозревали его въ чародѣйствѣ, онъ вмонаемые сосудъ сплавлялъ и проливалъ, сказывая, что будуче оны выплавленыъ серебро изъ каменей помаяушой горы. Въ то время прибылъ въ Тобольскъ аѣкторой Воевода, которой и самъ былъ чародѣй и имѣлъ дежка, какъ говорились, заключеннаго въ персти. Поглавные имъ солдатамъ къ той горѣ, изъ которой какъ слухъ носился, опшесельникъ Юръ добывалъ серебро, привнесъ ему много каменей копорые лопе бласвали въ подобие серебра, но не что иное были, какъ удобно расширяемые мыльки или шпалы. Оны взявъ однихъ изъ шпалъ каменей поваливалъ бывшими у него топсами и съ нѣкими водмываими топсами: желалъ бы я зналъ, что шпалъ скрывается. Между шпалъ прибылъ по шайному согласию, и оны двое осмыслятъ плуша, обманывающие серебромъ, копорыми оны увидѣли, вскричалъ будшо внезапно: вопъ къ спашу ам прибыл. Скажите мнѣ, что во мѣнѣи вѣстему заключеннаго въ сѣмъ каменѣ? Оны ошѣйшесловали что не лъжа, чтобы шпалъ не было серебра, да еще и много. Такъ разномысле же, сказалъ имъ, и вымывающе серебро. Они ошѣйшали, что оно не прежде можно сдѣлать, какъ когда приведемъ будучъ изъ Голландиѣ аѣкторыми минеральными шпалъ, употребяя для такого дѣйствѣя. Но выслушавъ что, аѣкторой гостеъ сказавъ: не вѣрите имъ: а въ сѣмъ горѣдѣ найду вамъ шпалъ и болѣе среброплаваельниковъ, копорые могутъ захъ сего для сдѣлать оныиъ или шробу. Но оны чрезвычайно разосердявшись обруталъ гостеъ, вопрошая его: гдѣ оны учился Металлургиа и

teraque argenti unciam protulit. Sed res fuit gesta per fraudem, à duobus proditiis composita magis. Prætor enim lapidem illum friabilem subala perforatum, et excavatam, argenti limatura repleverat: et foramen eodem lapide dextre obturerat: Metallarius autem fraudis conscius (cuius etiam intererat Regem decipere: quo diutius perampro stipendio frueretur) lapidem minime circumspectum contudere festinavit: ne foramen et fraus patesceret. Itaque Rex eandem Metallarium, additis ei, aliis eiusdem professionis sociis et militum duabus cohortibus, ad præmemoratum Sibirie montem misit.

кто сдѣлалъ его мастеромъ серебряныхъ дѣлъ. Къ Царю въ канцеляр, что естъ такая гора наполненная камнями, которые блистятъ серебромъ, и изъ которыхъ одинъ опшесивникъ часто выплавлялъ серебро. Царь по полученіи сего донесенія, шомчасъ отправилъ въ Саксонію кураера, приказавъ вызвать какого нибудь искуснаго мещаллурга. Прибывъ изъ которой тайной чародѣи изъ числа шѣвъ, которые называются брашьями Роговаго креста. Свистня ибскольцо позвали въ Москву и Воеводу и приказали ему представлять хваленую имъ камень, для измышланія въ присутствіи Царя. Одеявъ подалъ, в другой взялъ: и шомчасъ положилъ въ огонь и разплавлялъ. Тутъ присутствовали Царь и перемъ изъ Софистниковъ, которой обративши глаза смотрѣлъ, чтобы не сдѣлаво было какого обмана. Наконецъ по окончаніи плавки, мещаллургъ вынулъ найденную имъ на днѣ одну и другую уцію серебра. Но дѣйствіе сіе произведено было посредствомъ обмана, выдуманнаго двумя вмещсказанными чародѣями. Ибо Воевода провернулъ шомъ желтой камень и выдолбилъ, наполнивъ пустоту серебряными опилками: и сказавши искусно забилъ шѣвъ же камень. А мещаллургъ, знаяшій о обманѣ, (для котораго полезно было обмануть Царя, дабы шѣвъ далѣе пользовался весьма большимъ жалованьемъ) не мало во осношрѣвъ камня, воспіишла скорѣе изтолочъ его, чтобы сказанна и обманъ не обнаружился. И шакъ Царю овиго мещаллурга, придавши ему ибскольцо позарящей шото же званія, и дѣвъ росши солдатовъ, посылалъ въ вмещсказанной Сибирской горѣ.

Ibi anno vertente et amplius commorati, omnem lapidem moverunt, coxerunt, confarunt: sed nullam argenti micam excoxerunt. Monacho igitur illo impostere (nam iussus aderat) mori sub flagris coacto, Mosquam recesserunt. Praetor Paulo post a latronibus occisus periiit: Metallarius aliquamdiu, subtracto sibi stipendio in suburbio Germanico, omnibus intus habebat.

Addatur et altera de Alchimistis fabella. Erat Mosque Medicus quidam, mihi aetate familiariter. Hic principis belli illius, quod Turci, adversus Venetos gesserunt, debebat Constantinopoli, in familia Oratoris Veneti, et fuga elapsus pervenit in Podoliam: ubi a viro nobili N. Potocio *) in curia Czartkova, liberaliter tractabatur: donec unà cum domino suo Mosquam captivus fuit adductus. Ille igitur referebat fama, inquit, ferebatur Constantinopoli de quodam Pharmacopola: quod esset aurifactoriae artis peritus. Ego igitur et quidam Patricius Venetus, illam multoties advocatum, omni humanitatis genere tractabamus, et muneribus alliciebamus, ut nos aucte artis faceret participes. Fatebatur ille se artem callere, non tamen facile cuiquam revelaturam. Nos instabamus, ut nobis saltem aliquid diete artis specimen exhiberet. Ille petiit aliquot aureos, ad Mineralia quaedam corpora, ut aiebat, comparanda: postmodum attulit nobis, quemdam pulverem, quem iussit cum

Тамъ они пробывъ болѣе года, все стараніе употребили: пережидали, переплавляли камни, во ни одной крохи серебра не добыли. И шакъ застѣки этого обмазчика (ибо онъ по повелѣнію суда являлся) до смерти пленника, возвратившись въ Москву. Во время не много послѣ него убитъ былъ разбойниками. Металлургъ по опущеніи жалованья, жилъ нѣсколько времени въ Нѣмецкомъ предмѣстіи, будучи всѣми ненавидимъ.

Есть еще другая повѣсть о Алхимистахъ. Въ Москвѣ былъ нѣкоторой коронно мнѣ знакомой Медикъ. Онъ въ началѣ той войны, которую Турки имѣли съ Венеціанцами, жилъ въ Константинополѣ въ сантѣ Венеціанскаго посла-славика, и бѣжавъ отъ суда, являлся въ Подолю; гдѣ весьма хорошо былъ содержанъ благороднымъ мужемъ Н. Поточкомъ *) въ господскомъ домѣ, чинѣ въ Чертковѣ, до того времени, пока явистѣ съ господиномъ своимъ попавшимъ въ плѣнъ, ошведена былъ въ Москву. Слухъ послѣдъ, говорилъ онъ, въ Константинополѣ о нѣкоторомъ аптекарѣ, чинѣ буди онъ сѣдущъ былъ въ искуснѣйшемъ составленіи золота; а потому я и одинъ Венеціанской дворянинъ призывавши его къ себѣ нѣсколько разъ, всякими ласками ему угождали и подарками ладобривали, чинѣмъ онъ сдѣлалъ нѣсь участивками своего искусства. Онъ призывался, чинѣ искусство сіе, знаешь; однако же отхрещъ отъ него. Мнѣ настаивали, чинѣмъ онъ повелѣлъ нѣмъ

*) Paulo Potocio Catalano Genovesensi.

*) Павломъ Поточкомъ, Костелланомъ Каноникомъ.

certa quantitate hydrargyri vasi iniectionem, ad ignem confilari. Nos, quod iussi eramus fecimus et in vase aurum invenimus. Non tamen plus sat minus, quam quot aureos dederamus. Haec operatio tertio et quarto, a nobis iterata, et auri semper, plus vel minus inventum fuit, secundum pondus aurorum, quae Pharmacopole pro pulvere dabamus. Hydrargyrum autem et ligna (quae Constantinopoli ad pondus comparantur) et labor noster abibat in vanum. Tandem nos impatientia commoti, serio illam alloquebamur; ne nos diutius vanâ spe traheret, sed simpliciter veritatem fateretur. Respondit ille: Accipe, inquit, aureos tres, aut quot volueris, et vespere, quando decubitaris es, pone illos supra mensam; Circum scribe circulum: et adde verba haec (N. N.) et manecum surrexeris, aurum quidem in mensa nullum reperies, sed loco illius pulverem habebis: plus vel minus pro quantitate, auri appositâ. Hanc pulverem, si eo modo, quo notis, adhibueris: aurum tuum, quod in mensa disparatu, eodem pondere, in tua vase reperies.

Liceat et tertiam addere praemissae geminae narrationem. Cui enim Ioannis Saramuelis ignotum est nomen, viri totâ

по крайней мѣрѣ какой-нибудь описью сказаннаго искусства. Онъ потребовалъ въ сколько червонцевъ для покупки, какъ онъ говорилъ, въ некоторыхъ минеральныхъ водахъ. Послеъ этого принесъ намъ порошокъ, которой положи въ сосудъ съ известными количествомъ ртуту, и делалъ разноманъ на огнѣ. Мы по приказанію его изводили, и въ сосудѣ вышла золото. Однако онато было не больше и не меньше того, сколько дали имъ червонцевъ. Сіе дѣйствіе повторилъ три и четверть раза, мы всегда находили болѣе или менше золота, смотря по количеству червонцевъ, которые давали аптекарю на порошокъ. А ртуть и дрова, покупаемые въ Кахкешаніиноволъ за вѣсъ, и трудъ нашъ пропадали за ничто. Наконецъ мы вышедъ изъ шербіи, начали говорить ему прямо, чтобы онъ не мучилъ насъ далѣе пустомъ надеждою, но откровенно признался бы къ истинѣ. Онъ отшвыривался: возмите, три червонца, или сколько угодно будете, и завтра же дохатъ спать оставите ихъ на столѣ; на вечеринѣ около нихъ кругъ и прибавите сіа слова (N. N.), вставши же по утру, золота никакого не найдете, но вмѣсто онаго получите порошокъ болѣе или менше, смотря по количеству положеннаго золота. Съ сіимъ порошкомъ, если вы поступите известными вамъ образомъ: по золоту ваше, котораго не оказалось на столѣ, вы найдете въ сосудѣ точно въ такомъ количествѣ.

Позвольте мнѣ къ предыдущей приговорючиться и третью подобную прибавить. Кому не известно имя Іоанна

Europa celeberrimi. Qui cum in vrbe esset, et die quodam (quo et ipse aderam) cum familia significasset, adesse hospitem, virum nobilem incognitum: ad socium ille suum et ad medixit: Secedite vos in interior cubiculum, ego istum quisquis sit, tribus verbis expediam; sed vix duabus horis expedivit. Ingressus enim ille, quoniam, inquit, reuerendissime Abbas, tota Europa te, ob ingenium eruditissimamque tuam, quasi Phenicem admiratur: id circo ego quoque, tua sapientia auscultande, audias eccedam. Supplico autem tuae humanitati: ut unicam mihi resolves questionem. Caramuel: quidnam tale? Hospes: cupio à te audire: an surum arte confici possit, nec ne? Caramuel: quid iubes domine, ut tibi probem? Posse id fieri, an non posse? Hospes: neutrum ipse determino, sed quero intelligere, quid tu sentias. Caramuel: ego quoque nihil definio, sed in utramque partem paratus sum, et id, quod tu iusseris, argumentis tibi probare conabor. Hospes: domine Abbas, ut video, mecum iocaris. Sed quero, ut nimis facetiis, sententiam mihi tuam candidè aperias. Caramuel: ego vero minime iocor, sed Alchimistarum, (de quorum te numero unum esse suspicor) ingenium tibi ob oculos pono. Vos enim domini Alchimiste, adeo, opinionis vestrae tenaces estis, ut etiamsi omnes Sancti Seraphimi caelitis descenderent, et vobis probare niterentur, rem quam vos inquiritis, factu esse impossibilem, vos illis haud quaquam crederetis. Quomodo igitur vobis ego persuasero id, quod nec caelites persuaderent. Post multa demum

Карамуела, славнѣйшаго во всей Европѣ мужа (30). Въ бытность его въ городѣ въ одинъ день (въ которой и я у него находился), когда слуга доложилъ, что пришелъ какой-то кельявншій благодѣйной человѣкъ, то оаъ пригласилъ своего и жѣ сказалъ: зайдите въ другой покой. Я въ трехъ словахъ объяснился съ пришедшимъ, кто бы онъ ни былъ; но едва кончилъ съ нимъ разговоръ въ два часа. Ибо онъ такъ говорилъ: почтеннѣйшій Аббать! послѣднъ вся Европа удивляется тебѣ, какъ Фениксу, по прачивнѣ остроумнѣ и учености твоѣй: но и я также желаю послушать твоей премудрости, прйбывъ. Покорнѣйше же прошу твоего великодушнѣ разрѣшить одинъ только вопросъ. Карамуель: что такое? Гость: я желаю отъ тебя узнать, можно ли составнть золото искусственнѣмъ образомъ; или нѣтъ? — Карамуель: что же заставляетъ меня доказывать такъ, можно ли еще сдѣлать, или не можно? Гость: я ни того, ни другое не опредѣляю, но желаю знать, какъ ты судишь. Карамуель: я также точно не опредѣляю; но согласенъ на то и на другое, и по чему вы требуете, постараюсь доказать вамъ. Гость: господнѣ Аббать, мнѣ какъ кажется, шумнѣ надо знать. Но я прощу оставить шумки, искренно объявляю вамъ свое желаннѣ. Карамуель: а я ни мало не шучу, но съобснѣ Алхимистовъ (въ числа которыхъ одинъ и весь я почтнѣ) очевидно вамъ представляю. Ибо въ господнѣ Алхимистнѣ столь утверднѣ вашего желаннѣ, что хотя бы всѣ Серафимы сошли съ небесъ и спарались бы вамъ доказатнѣ,

hinc inde dicta, referebat hospes: qua occasione ipse animum ad Alchimiam studium adiecit. In civitatem, inquit, quam ipse incelo, advenit quidam Romipeta: qui pulsatis aedibus nearum foribus, admittus alloquebatur me: Domine! sum, inquit, genere Germanus, arte faber argentarius, peto urbem ad visitanda ex voto Apostolorum limina; cupio in hac vestra urbe, visitare loca pia, sed pecunia carco, quâ discessorium persolverem: supplico tue nobilitati, ut mihi triduo præbeas panem et hospitium. Ego porrexi homini clauem, et assignavi cubiculum, in quo sua libertate uteretur. Exibat summo mane, redibat ad cenam: Quarto die vocavit me ad suum cubiculum, petiit, ut emerem aliquot uncias hydrargyri; quod cum adlatum esset, vasi idoneo infudit, pulverem quemdam adspersit, coepertum, ad ignem ibidem succensum applicavit, et ad me dixit: domine, cras in hoc vase, invenimus egregium leucaculum. Ego discessi: ille summo mane domo exiit, et die ac nocte sequenti emanavit. Ego altero die, effracta sera cubiculum ingressus inspexi, quidnam in illo predicto vase esset, et reperi frustum auri, quod 50 aureos pondere superabat. Ostendi illud Metallorum peritis, qui factis omnibus experimentis, affirmabant, aurum esse abryzum. Ex illo igitur tempore ego, viso tam illustri exemplo, ad Alchimiam, animum studiumque meum applicui. Multum laboravi, multa sumptus feci; sed nihil hactenus profeci. Caramel: de (illo) Romipeta quiddam factum est? Hospes: ego illum curavi in omnibus Ecclesiis et Xenodochiis

что вещь, которой вы ищите, не возможна, но вы на конь не поиграли бы ижъ. Какъ же я могу утѣрши васъ въ помя, въ чьей и небесные жилища не утѣрши бы. После продолжительнаго разговора съ мой и другой стороны, гостя рассказывалъ, по какому случаю онъ возымѣлъ охоту къ изученію Алхиміи. Въ городѣ, говорилъ онъ, гдѣ я живу, пришла ижеко путешественующій въ Римъ, который поспуцавшись у дверей моего дома, и будучи вуждець, разговаривалъ со мномъ такъ: Государи мой, сказавъ онъ, я родомъ Немець и по ремеслу себребравникъ, иду по обичаю поспити храмъ Апостоловъ (церковь Св. Петра). Желая въ спомъ зашесть городѣ небываши во асѣвъ святыхъ жбскахъ; но не имѣю денегъ, чтобы заплащити за посполомъ дворѣ. Покорѣйше прошу Ваше Влатородіе дана мѣй на три дня проспанацие у васъ и свободны хлѣбкомъ. Я подалъ ему ламчу и ошвелъ покой, въ которомъ бы онъ могъ развложитися какъ ему угодно. Онъ вымоделъ очень рано и возвращался къ ужину. На четвертой день позвавъ мезя въ своею кухню, просилъ чтобы я купилъ ижеколюк уцкія ринуши. Которая какъ подала была принесена, но поможилъ ее въ удобной сосудѣ, всмнилъ какой-но порошокъ, заарывши поставилъ въ разведенной шупъ же огня, и мѣй сказавъ: Государи мой, завтра въ семь сосудовъ мѣй найдешъ изрядной азаврехъ. Я оны него вышелъ. Онъ весьма рано изъ дому ушелъ и во весь день и слѣдующую ночь не возвращался. Я на другой день разломавши замокъ, вошелъ въ комнату возсмотрѣль,

et cauponis inquiri, cauponem quoque per visum Urbanam expediti, sed nemo reperit fuit, qui illum a se visum fuisse assereret. Caramuel: nonne igitur perspicis domine; istum non hominem fuisse sed Angelum, atram tamen, non album, ut pote, qui nusquam, nisi in sedibus tuis visus fuerit. Si enim (ille) teste Apostolo, in Angelus lucis se transformare potest, cur non poterit tibi humani corporis formam servatus illudere? Existimo enim te, a misericordiae operibus haud alienum fuisse, ut pote, qui homini peregrino tam liberaliter, ut narras, hospitium praebuisti. Satanas igitur, ut te a misericordiae virtute abalienaret, et diametrico opposito avaritiae vitio manciparet; ista tali impostura te in fraudem induxit.

Quantum Magicae imposturae exemplum. Tobolini debebat militum quidam Tribunus, (quem hic Antonium appellabo) eximia auctoritatis vir. Adhuc quodam

что было въ пожевушемъ досудѣ, и взяла кусокъ золота, которой вѣсомъ былъ, болѣе 50 червонцевъ. Показала оной знатокамъ металлѣкъ, которые сказали кажда нямъ все извѣнчаніе, и утверждали, что это чистое золото. И такъ съ того времени, я видѣлъ толь славной прихѣрь, обратила масса моя и стараніе къ Алхіміи. Много я шрудала, употребала большіе на то издержки; но доселѣ ни сколько не успѣла. Карамуелъ: что же случается съ вами путешествовашелемъ въ Римъ? Гостья: я старалася опьянскать его во всѣхъ церквахъ, гостиницахъ и постоялыхъ дворахъ; посылалъ шакке-товца по городской дорожѣ, во ни кто не нашелся шаккой, которой бы видѣлъ его. Карамуелъ: а шакъ не уже ли вы Государь мой не видите, что это былъ не человекъ, но Ангелъ, только черной, а не бѣлой, то есть которой никогда нигдѣ не былъ видѣвъ, кромѣ вашего дома. Ибо ежели онъ же-женъ преобразился въ Ангела свѣта: но свидѣтельству Апостола, то для чего же не могъ изсѣбавиться кажда вами, принявши на себя видъ человекъ? Я почитаю васъ человекѣкъ сострадательнымъ пошому, что вы, какъ разсказываше, споль охотно дали приставницѣ страннику. И такъ самана, дабы отвращать васъ отъ добродѣтели милосердіа и поработить въ противоположной шожу пороку каждасти, шаконамъ ечарошаніемъ обманулъ васъ.

Четвертый примѣръ магическаго обмана. Въ Тоболскѣ жилъ вѣковшорой Полковникъ (котораго я назову здѣсь Антошелемъ), человекъ очень почтенной. Въ

die, venerat alter Tribunus, qui referebat: se habere librum mole exiguum, sed virtute magnam. Quotiescunque enim, inquit, illum perlego, per triginta dies, securus viro ab omni armorum uocamento et coram quibusvis dominis gratus, et in omni lite victor ero; Auctor autem libri est quidam Papa. Ad ista supervenit quidam Catholicus. Tunc Antonius ad illum: ho, ho, domine Pontificis, recte adiacuisti. Jam te cepi. Ecce, quales doctrinas vestri Pontifices in publicum emittunt. Quibus verbis, directe quidem Catholicum (vt putabat), oblique autem suum illum collegam petebat; tanquam Magus. Respondit Catholicus: istud quidem nulla ratione est verum: quia summi Pontifices, talia scripta maledicunt, et sub excommunicationis censura legi vetant. Tunc Magus ille Tribunus: atqui, inquit ego tibi ostendam ipsum libri titulum; Moxque protiliens, domum abiit, et cum libro rediit. Erat autem auctor libro prescriptus Bernardus Papa. Tunc Catholicus exclamavit: ecce, inquit, palpabile, putidumque mendacium. Neque enim unquam inter summos Pontifices fuit, qui Bernardi nomine nuncuparetur. Testes inuoco Centuriarum Magdeburgensium auctores, et illarum abbreviatorem. Iohannem Micrelium, quæsi, si lubet confestim vobis producam: ibi enim legitur omnium Pontificum catalogus, sed nullus invenitur Bernardus; et in hoc mihi fidem adstruant omnes (cuiuscunque confessionis sint) historici. Deinde, conuersus ad Antonium dixit: domine Tribune, attende, quæsi, et observa, quod nunquam Deus tantam potestatem permittit Salutaris in

одинъ день пришелъ къ нему другой Полковникъ, которой рассказывалъ, что у него есть книга по наружному виду маловажная, но по достоинству ея великая: ибо, говорилъ онъ, всякой разъ, когда ее прочиташа, въ продолженiи тридцати дней бываю безопасенъ отъ всякаго вреда оружiя; у всякъ начальникоу бываю въ милости и во всякой жакъбъ одерживаю верель. Сочинившея же сей книги естъ въкоторой Папа. Въ то самое время пришелъ одинъ Каполянъ. Тогда Антоный сказалъ ему: а вонъ господень Папешть писавши вамъ пришелъ. Теперь уже я поймашъ васъ. Вонъ книга учениа изданныхъ въ свѣтъ ваши Папамъ! которыхъ словъ онъ прямо обращалъ (какъ онъ думалъ) прошевъ Каполянка, но споровоу давалъ знашь оному шокарниу своему, какъ чародѣю. Каполянъ оупаишновалъ: емо совсемъ непрада: ибо Папамъ шакковыя сочиненiя проклазашоу и запрещашоу чашать подъ опасенiемъ ошлученiя отъ церкви. Тогда оный чародѣй Полковникъ возрашилъ: но я покажу тебѣ самое заглавiе книги. И шотчасъ вставъ пошелъ домой и возвратилса съ книгоу. Сочинившемыя же оной показавъ былъ Папа Бернардъ. Тогда Каполянъ возликнулъ: вонъ явная и гнусная ложъ! Ибо некогда между Папами не было шакого, которой бы называлса именемъ Бернарда. Я призываю въ свидѣтели Австорюу Матдебургскихъ Цезарий (*) и сокращишела изъ Юванна Микрелиа (31), котораго скажи угодно я шотчасъ предствилу. Ибо знашь находилса въшеи Папамъ списоко, но ишми въ одного изъ книгъ Бернарда: и въ шомъ оупра-

*) Церковная Исторiя, раздѣленная по епископiамъ.

tentandis hominibus, quin vir prudens, et de sua salute sollicitus, possit fraudem animaduertere; si modo sollicitè, ingrudentem sibi perpenderit tentationem. Quod in hoc Magico libro manifestè liquet: Magnus enim ille, qui ipsum conscripsit licet haberet potestatem inscribendi summum Pontificem, non tamen permittitur est aliquid verum cuiuscunque Pontificis præferre nomen: ut ita Satana fallacia, ex ipso (statim) codicis fronte appereret.

Subiungitur hic brevis disputatio, eò quòd ibidem contigerit, inter dictos Antonium, et Catholicum, quem appellabo Petrum. Antonius erat de Reformata, ut vocant, Ecclesia: qui cùm quidam vice assereret Patres sanctos fuisse homines, potuisse errare, ut homines, et errasse in multis, ut homines; Petrus dixit: Calvinus et Luterus fueruntne homines? Antonius: quidni? Petrus: ergo et ipsi errarunt, ut homines. Antonius: quid tum? fortasse errarunt. Petrus: tu verò iniquus es iudex; Sanctos enim dixisti categorice errasse; Calvinus autem hypotheticè et dubitative. Forte, ais, erravit. Cùm tamen illifuerint sancti; et iste minime. Verùm tamen attende, quod utruvis dixeris, in idem incommodum prolaberis. Si enim Categorice ais Calvinum errasse; et tamen eius doctrinam sectaris ac taeris: ergo ipse tu etiam (et

знають мене всі (якого би они змогли вважати ні були) Пешорки. Потому оборотися въ Антошю сказавъ: господень Полковникъ прошу выслушати и замѣшати, что Богъ некогда же даешъ самую такую власть въ искупеній людей, чтобы мужъ благоразумный и о спасеніи своемъ пекущійся не могъ притѣшиться обманомъ, ежели только притѣшавшо разсмотритъ испробующееся ему искупленіе; чтоже видно въ сей чародѣйской книгѣ. Ибо хотя оный чародѣй, которой ее сочинилъ, могъ въ главѣи написать Пана, однако же не быль допущенъ до того, чтобы выставляти подлинное имя какого либо Паны, такъ что обманъ сатавы изъ самого оглавленія книги шончасъ явленъ.

Здѣсь присовокупляется краткая споръ для того, что шамъ же произошелъ между помянутыми Антошею и Католикомъ, котораго я назову Пешромъ (Зэ). Антошій, бывъ членъ Реформатской, (какъ называють) церкви. Который, какъ однажды утверждалъ, что Святыя ошцы были люди; следовательно могли ошибаться какъ люди, и во многомъ ошибались какъ люди. Пешръ сказавъ: а Кальвинъ и Лутеръ обманъ люди? Антошій: какъ же не шамъ? Пешръ на то: сабдошательны и они ошибались какъ люди. Антошій: шамъ что же изъ того? можешь бышь и ошибался Пешръ: но шмъ несправедливой суди. Ибо о погрѣшеніи Святымъ ошцовъ сказавъ шмъ безусловно, а о Кальвинѣ условно и съ сомнѣніемъ; шо ешь, можешь бышь погрѣшилъ. Когда однако они были Святыя, а сей никакъ. Но послушай, какъ бы шмъ ни

quidem sciens ac volens) erras. Si vero ais dubitative: forte Caluinus erravit; et tamen eandem doctrinam amplecteris; de cuius veritate ambigua est, et incerta: imo est non fides, sed illusoria opinio. Antonius: ego soli Sacrae Scripturae credo. Papae autem, et concilio et Augustino et Caluino, atque adeo omni homini, non plus credo, nisi quantum quis cum scriptura concordat. Petrus: sed nostine tu indicare: quoniam concedent, aut non? Antonius: novi per Dei gratiam. Petrus: ergo tu es index omnium, et plus quam pontifex: qui et Pontificem ipsum, et omnes alios iudicas, et condemnas. Antonius: tu quoque facis idem. Nam dum Pontifici adhaeres, utique id iudicio proprio, et non coactione facis; et Pontificem quidem iudicas esse veracem, reliquos autem omnes condemnas ut fallaces. Petrus: at magnum est discrimen internos. Ego enim (cum Catholicis) omnes (praeter Pontificem, et qui cum illo unanimes sunt) iudico esse fallaces: idque non propria, sed Ecclesiae auctoritate fretus. Ecclesiam autem ipsam, nullo modo iudico in aliquo particulari articulo, nec examino; sed simpliciter credo, ipsam esse in fallibilem, nunquam errasse, nec errare posse, quoniam credo Salvatore promittenti: Porte inferi non preuelebunt adversus eam et Apostolo dicenti. Ecclesia est columna et firmamentum veritatis. Ideoque obtempero domino iubenti: si autem Ecclesiam non audierit, sit tibi sicut Ethnicus et Publicanus. Et omnes, qui Ecclesiam non audiunt, censeo ut Ethnicos et Publicanos: ipse autem Ecclesiam, in nullo articulo diiudico,

говорилъ, то или другое, той же неприязности себя подвергаешь. Ибо если безусловно говоришь, что Кальвинъ ошибаея, однако же слѣдуешь его ученію и свое защищаешь: то и самъ ты (и притомъ же по нехѣденію, а добровольно) заблуждаешься. Если же говоришь съ сохитвеніемъ, то есть, что можешь быть Кальвинъ ошибаея, однако же ученіе принимаешь, въ нещій которато сомнѣваешься: то вѣра твоа сомнѣтельна и кешверда, даже не есть вѣра, но обманчивое мнѣніе. Антоній: я вѣрю одному только Священному Писанію: а Папѣ, Собору, Августину и Кальвину, да и всякому челоуку не больше вѣрю, какъ сколько кто изъ нихъ согласуется съ Священнымъ Писаніемъ. Петръ: но ухѣешь ли ты судить, кто согласуется, какъ вѣтъ? Антоній: по милости Божіей ухѣю. Петръ: слѣдовательно ты судія всѣхъ и болѣе, нежели Папа, ибо ты судишь о самомъ Папѣ и обо всѣхъ прочихъ, и осуждаешь. Антоній: ты дѣлаешь тоже самое; ибо когда держишься Папы, то конечно дѣлаешь сіе по собственному разсужденію, а не по приужденію, а Папу считаешь правдымъ, прочая же всѣхъ осуждаешь какъ обманщиковъ. Петръ: но между нами есть великая разница. Ибо я (съ Кашалейкамъ) почтиаю обманчивыми всѣхъ (кромѣ Папы и которые съ нами единамысленны), полагаюсь въ шомъ не на собственную свою, а на власть церкви. Но о самой церкви я никакъ не суку ни по какому частному челоу, не вниманію ея, а просто вѣрю, что она не ошибается, никогда не ошибалась и ошибаться не мо-

nec quidquam eorum, que illa ad credendum preponit, discutit. Sed clausis frontis ac mentis oculis (tatissima et tranquillissima conscientia) omnia, que illa credi iubet, amplector, simpliciterque credo. Ut iumentum factus sum apud te: et ego semper tecum Psal. 72. At vero tu, tuam Reformatam Ecclesiam, (quatenus visibilis est) scilicet omnes Pastores et libros discitis, et examinas; et ais potuisse et posse errare. Ex hoc autem recte dubitatis conclusio inferitur: ergo fortasse errarunt. Atsi fortasse errarunt; fides ergo tua fortasse erronea est; certo autem incerta est. Antonius: ego non credo visibili Ecclesie (sive hominibus, et liberis visibilibus), sed invisibili Ecclesie spiritui, qui me docet recte capere sensum Scripturæ. Petrus: quis ergo aut qualis est ille spiritus? Antonius: est meus spiritus proprius, à Deo mihi donatus: quem vocant privatam spiritum, sive internum, iudicium; quod nihil est aliud, quam Dei gratia; que me docet intelligere Scripturas et omnem veritatem secundum illud. Ille nos deducit in omnem veritatem. Petrus: valde falleris, quia hoc non cuiquam privato, sed Ecclesie congregatæ, promissum est; et maxime illius capiti. Ubiqueque fuerint duo aut tres congregati, in Nomine Meo, in medio illorum sum. Alioquin enim, etiam omnes Patres, quos tu condemnasti, habuerunt singuli suus spiritus proprius et cum Apostolo (forte rectius, quam tu, vel Calixtus) dicebant. Puto autem quod et ego spiritum Dei habeam et tamen (nihil obstantibus tot privatim spiritibus) omnes, te iudice, errarunt. Quidni igitur et te

жестъ Посланку я вѣрую Спасителемъ, общающему: *gratia Adami ne adolventis ei* (*), и Апостолу сказавшему: церковь есть столпъ и утверждение истины. И для того я повинуюсь Господу, повелѣвающему: *ipse et ecclesiam presertinet, буди tibi iuxta calixticam et miltarem* (†) и всѣхъ неповиновующихся церкви я считаю какъ личичковъ и мытарей. Самъ же на по какому члену не изымивая церковь и ничего не изслѣдывая, чему она учить насъ вѣраши. Но закрывъ душевныя и тѣлесныя очи (съ безобразниковъ и весьма спокойной совѣстью) все, чему она позволяеть вѣрини, приемая и вѣрую вѣрую. Что касается до тебя, то ты Реформатскую свою церковь (покальку она есть видимая), то есть всѣхъ Пастырей и книги изымиваешь, и изслѣдываешь, и говоришь, что она могла и могла погрѣшати. А изъ сего прямо изводились сомнительное заключеніе: слѣдовательно можешь быть погрѣшила; слѣдовательно вѣра твоя можешь быть, если погрѣшила; извѣстно же то, что она неосновательна. *Antonius*: я же вѣрую видной церкви (то есть людямъ и книгамъ видимымъ), но невидной церкви, то есть духу, которой меня научаетъ прямо понимать смыслъ Св. Писанія. *Petrus*: кто же или какой есть этотъ духъ? *Antonius*: есть собственная мой духъ, отъ Бога мнѣ данный: называемый духомъ частнымъ

(*) Мотивъ Главо XII оныхъ св. — Для изысканья или Славянской думки, превратимъ здѣсь жаргонъ будничъ употребилъ въ употребленіи виднѣнны Россійскіи Вавилонскія общностию Моголо Завѣна на Славянословъ в Русскій языкъ.

(†) Мотивъ Гла. XVIII, ст. 17.

tus persuasus spiritus in errorem inducere possit, si tot illos ac tales viros sanctos ipsorum persuasi spiritus in plurimos errores (ut tu quidem ais) induxerunt? Hic cum Antonius aliquantulum hesisset (*reticisset*), cogitans quidam responderet, proseguendo dixit Petrus: videris sentire vim argumenti. Sed quidquid dixeris hinc te nunquam explicabis. Hoc igitur nunc non urges: concedo tibi tempus ad meditandum, usum saltem quero ex te: Kastal ne aliquis in orbe liber doctrine (præter sacram Scripturam) qui, te iudice, sit ab omni errore immunis, et cui possit homo totam suam conscientiam et negotium salutis confidere; et nominatim quero: Institutiones Caluini sanctæ ab omni errore immunes? Antonius: responde tibi, sicut et antea respondi: immunes sunt, si et in quantum cum sacra Scriptura concordant. Petrus: rursum mihi ad priora, etiam discussa relaberis, hoc enim ipsum quero exte: an Institutiones Caluini, in omnibus suis verbis, perfecte concordent cum scriptura, nec ne? Ad hoc mihi responde. Antonius: ego illos verbatim non dum examinavi. Petrus: vide ergo iam, ne et Caluino et tuæ Ecclesie Pastoribus, insignem facias iniuriam, et ne fides tua sit incerta, dubia, et nulla. Si enim Institutiones dictæ, non nisi supposito ac præmissio earum examine, ab erroribus sunt immunes: et nondum sunt examinatæ, suspectæ ergo sunt falsitatis; et quare illas dicti pastores tam diu non examinerunt, nec cum scriptura contulerunt? et tu ipse quare non contulisti? Sed et illi, in scholis et pulpitis, ca-

или злоупременивъ сужденіемъ, которое не что иное есть, какъ благодать Божія, научающая меня познавать Св. Писаніе и вселюку истину, по свиданію: той вставивъ на вселюку истину. *Петръ*: ты весьма ошибаешься. Ибо сіе общаемо во каждому частному, во собраніи церквей, инаиче же глаголетъ ея. *Идуже есма два или трие собранія во имя мое, ту есмь посредь ихъ* (*). А инаиче и всѣ Св. ошци, которымъ ты осудилъ, иже въ каждой свой собственный духъ и съ Апостоломъ (можеть быти справедливѣе, нежели ты или Кальвинъ) говорили: живи, яко и во мѣѣ духъ Божій есмь. Однако же (не смотря на слово многіе частные духи) всѣ они во иже въ моему погрѣшили. Такъ почему же и тебѣ свой частный духъ не могъ бы ввести въ заблужденіе; когда омыхъ слово многіехъ и шакихъ Священныхъ нужеи частными ихъ духи (какъ ты впрочемъ говоришь) ввелъ въ весьма многія заблужденія? Когда на семъ Антоній останавливался (замолчалъ), думая, что на сіе отвѣчаешь, то Петръ продолжая сязавъ: какъ еси ты чувствуешь силу доказательства. Но что бы ты и сязавъ, икогда не выслушаешься. И такъ ты теперь же испиравъ въ помы: дамъ тебѣ время на размышленіе. Объ одномъ только вопрошаю тебѣ: есмь ли въ себѣ какая нибудь книга ученія (кроме Священнаго Писанія), которая бы, во мѣ въ моему, не иже въ себѣ никакой погрѣшности, и которой бы человекъ могъ взвѣрши безопасно свою совѣсть

(*) Матт. Глаз. XVIII ст. 20.

tegorice eas prælegunt, et prædicant; et tu ipse quare liberis tuis illas et prælegas et legi iubes? An forte singuli auditores (priusquam dictis Institutionibus credant) singulis vicibus, pro singulis verbis, debent secretum Scripturarum euoluere, et spiritum privatum consulere? Et si aliqui forte id fecerint; Bæstici, quid à concione reduces facient, qui scripturam nec habent, nec legere norant. Si ita est, ut tu narraas: profectò debebant vestri Superintendentes et Theologi dictas Institutiones, antea verbatim examinare, et cum dictamine privati spiritus ad sacram Scripturam conferre; et si illos omnino purasprehendissent, debebant eis perhibere testimonium: sin verò aliqua menda reperissent, illa debebant expungere. Quod cum illi nunquam fecerint; sed rem suspectam (per tot annos à Caluini obitu) publice categorice et authentice prædicarent magno profectò (sordidiane dicam, an fallacia et deceptionis) crimine se obstrinxerunt. Cuius tu quoque ipse, quo ad tuam familiam reuses. Antonius: at ego meæ familiæ, sicubi dubitant ac querunt, facile verum sensum operio. Petrus: et illi tibi tenentur credere? Antonius: et de hoc dubitas? Petrus: nam forsàn ego quoque tenebor credere tibi, si me in aliquo docueris? Antonius: nullum dubium, si quidem, me Deus illuminaverit: non enim mihi, sed diuino spiritus me docenti credes. Petrus: hem, quàm incoherencia loqueris. Nam primo: quid, si meus spiritus prius tuum aliud mihi dictaret, quam tuus tibi? Alterum est, quod tu non teneris credere Papæ, nec concilio, nec Patribus sanctis,

и дѣло спасенія! и именно спрашиваю насмѣленія Кальвинаго свободны ли отъ всякой погрѣшности? *Антоній*: отвѣтственную тебѣ шая, какъ и прежде отвѣтствовалъ: свободны, когда и покуда оуб согласны съ Священнымъ Писаніемъ. *Петръ*: ты опять обращаешься къ прежнему и прямому опроверженію. Но я о семъ самомъ вопрошаю тебя: насмѣленія Кальвинаго согласуются ли совершенно во всѣхъ своихъ словахъ съ Священнымъ Писаніемъ, или нѣтъ? отвѣтствовалъ мѣя еще отъ слова до слова. *Петръ*: шая беретась же, чтобы не сдѣлать значительной обиды и Кальвину и Пастырямъ шовой церкви и чтобы въра шовой не оказалась неосновательной и сомнительной. Но ежели, сказанныя насмѣленія не ичаче свободны суть отъ погрѣшностей, какъ предположить и сдѣлать напередъ вниманіе онымъ, а оуб еще не были разсмотрѣны: то оуб подозрительны во дѣлности, и почему сказаннымъ Пастыремъ не измышлялъ ихъ столь долгое время, и даже не свѣрился съ Священнымъ Писаніемъ? и самъ ты почему не свѣрился? но они въ школахъ и на кафедряхъ просто ихъ читають и проповѣдуютъ. И ты сама для чего читаешь оныя своимъ дѣтямъ и приказываетъ читать? развѣ каждый слушавшій (прежде ежели повѣришь онымъ насмѣленіямъ) долженъ будетъ всякой развѣ при каждомъ словѣ разкрывать книги Св. Писанія и соизволяться съ шастнымъ духомъ? Если же въкошпоре можешь быть сіе сдѣлалъ, то что будешь дѣлать возвратившійся домой

imo nec tuis Superattendentibus et Theologis, nec ipsi Caluino. Quare? Quia sunt homines, et visibiles; et libri illorum sive Institutiones pariter visibiles: ego autem, teneor credere tibi, qui tamen et ipse, neque ut illi, homo es; et visibilis es; et Institutiones tue visibiles sunt. O Domine mi, nimis tarde ambo surreximus, ut iam post sedecim centennia, in hoc seculorum fine, postquam tot Sancti Pontifices (ut tu vis) et Martyres et Patres, et Concilia, vix cum suis priuatis spiritibus (ut tu quidem praedicas) errarunt, postquam et Reformator ipse vestra Ecclesia: et eius successores, certi aut securi nihil attulerunt; sed omnia manent adhuc a te examinanda, ut, inquam, iam nunc ego credam, te solum possidero veritatem, te solum non errare, et tuum priuatum spiritum solum, nec velle, nec posse fallere; licet tot innumerabiles alii spiritus, tot viros pios et sanctos, in plurimos errores induxerint. Nolite credere omni spiritui, sed probate, utrum ex Deo sit. Sed haec haec.

опь проповѣди послыше, которые же имеютъ книгу Св. Писанія и читають ее умножь! ежели ты справедливо, какъ ты говоришь; то всь Суверингенденштейн и Вогослоем должны были оныя написавленія прежде ошь слова до слова изымать и съ разумомъ часнаго духа повѣрши со Священнымъ Писаніемъ. И ежели бы оныя нашлн совершенно чистиши: то должныбы были издашь обы вихъ свидѣтельство. Если же бы нашлн какія ошибки, то должны были оныя изъяснять. Чего послыку никогда не дѣлала, во учекіе подозрительное (въ шестелн столькожъ лѣтъ по смерти Кальвина) всенародно, просто и торжественно проповѣдывая (опъ лѣзостн ли, сказать, или изъ хитрости и обмана) подвергла себя великому преступленію. Въ чемъ и ты самъ, въ разсужденіи семейства твоего виновееь. *Аммоній*: но я семейству моему коль скоро оно въ чемъ сомѣвается и вопрошаетъ меня, безъ труда открываю истиннай смыслъ. *Петръ*: и око тебѣ должно вѣрши? *Аммоній*: и ты въ спомъ сумишьсесь? *Петръ*: ибо и я можеть быть также долженъ буду тебѣ повѣрши, ежели ты въ чемъ либо будешь, двашь мѣя настаивать? *Аммоній*: ишь сомнѣий, ежели только Богъ просвѣтилъ мене. Ибо ты не мѣя будешь вѣрши, но духу Божію, научающему меня. *Петръ*: ахъ какъ несогласно ты говоришь. Ибо во шерьмъ, что ежели мой часнаго духъ будешь мѣя вѣрши? Во вторыхъ чю ты не обладашь вѣрши ни Папѣ, ни Собору, ни Священнымъ оицамъ, ни даже твоимъ Супер-

tormentis, tum manualibus fistulis igniominis. Mosci autem, intra parietes se continentes, illorum multos, eiusdem modi iaculis prostraverunt. Sed cum eis pulvis iaculatorius defecisset, munitione relicta, abierunt. Cataienses eos persecuti non sunt; sed munitione demolitâ, ipsi quoque reversi sunt domos suas.

Verùm quia postmodum ex alia munitione, dicta Nercin, Mosci eosdem Cataiensiùm subditos (qui Daûri et Nikani dicuntur) vexabant, Rex Catai, ante 10 circiter annos, ad Nercini præfectum, misit nuntium; qui postulabat, ut præfectus acciperet ab ipso obsides, et concederet ei duos troise Moscovicos milites suos ad Regem perducendos; quia, inquit, nostri Regis subditi tributa pensitare (pendere) tergiversantur, eo, quod à nobis etiam, exactione molestentur. Rex autem illis credere nequit; sed ocularihus experimentis vult certiorari, et si ita est, vult per vestros homines de finibus diripiendis ad Regem vestrum mandata pacifica perferendare. Præfectus tres concessit milites, qui narrabant se, à Nercino usque ad Marum et portam Catai, quatuor hebdomadis; à Maro autem, usque ad Regiam urbem Cambalik, sex hebdomadarum itinere pervenisse. Cumque ad Regem adducti, et ab ille curiose inspecti fuissent, numeribus affecti fuerunt, et mandatum illis, ut suam Regem ad morderent, ut legatum mitteret, cum po-

нуждая их къ платежу данн. Пославший же онь сваведного Императора изъ Окена флотъ чрезъ устье оной рѣки прислалъ къ крѣпости и солдаты началъ оную брать, стрѣляя по нѣмъ пушекъ, по нѣмъ ружей. Москвитяне, скрываясь въ крѣпости, мѣняли нѣмъ нѣмъ побѣдъ оружіемъ такого же рода. Но когда унѣмъ не достало пороху, шо они оспанаши крѣпость, ушли. Китайцы нѣмъ не преслѣдовали, шо разоривши крѣпость, сами шакже возвратились въ свои дома (34).

Но поеліку спустиа нѣсколько времѣнъ Москвитяне изъ другой крѣпости, называемой Нерчинскъ, напали на нѣмъ же подданныхъ Китайскихъ (которые называющихся Даурахи и Нинанцахи), шо Китайской Императоръ за 10 лѣтъ предъ симъ прислалъ къ Нерчинскому Воеводѣ посланца, которой требовалъ, чтобы Воевода взялъ онь него заложниковъ и ошнущалъ бы съ нѣмъ двухъ или трехъ своихъ Московскихъ военнослужащихъ для представляеніа къ Императору. Для шото, говорилъ онь, шо подданные нашего Императора ошказывающиеся платити поному, шо они обременены платити шекемъ онымъ и онь весь. А Императоръ нѣмъ въ шомъ не збръши; шо желаетъ лично узнати, и шели сто справедливо, шо дѣлѣея чрезъ шѣнзъ людей доставити къ нашему Царю шѣрныя условия о раздѣленіи границъ. Воевода ошнущалъ шрѣхъ солдатъ (35), которые разказывали, шо оны онь Нерчинска до шѣнзы и шоронъ Китайскихъ находились въ дорогѣ чешыре лѣтъ, а онь шѣнзы до Императорской шлоли-

testate, cum quo p[ro]sent Regnorum fines designari, et de tranquilla vicinitate f[er]e-
 dus iniri. Reuersi illi, Mosquam peruene-
 runt et literas quasque Sinensibus cha-
 racteribus scriptas attulerunt, (sed) qua-
 rum lector reperiri nullus potuit. Elapso
 deinde fere triennio, misit Moacis Rex
 illuc legatum quendam Græcum conno-
 mento Spatharium, cum potestate *Hercis*
caudoross finium et fœderis defutura ne-
 gotatione incandi. Is cum Tobolino tran-
 saret, narrabat adfuisse Mosque duos so-
 cietatis Iesu sacerdotes, Sedis Apostolicæ
 Missionarios, qui Regi supplicabant, ut
 liceret eis cum dicta legatione Pekinum
 proficisci. Verùm quia incertum erat,
 qualem legatio exitum sortitura esset (cum
 et via eatenus ignoraretur) dictis patribus
 facultas illa non fuit concessa; sed missi
 fuerunt per Astrachaniam in Persiam.
 Mihi tamen dicebat Spatharius: serenissi-
 mus præcepit, ut in reditu, si qui So-
 cietatis Iesu patres Pekino uoluerint me-
 cum in Europam reserti, ut illos quot-
 quot fuerint, assumam, et liberaliter
 tractem. Peruenit ille ad Cataium, et cum
 Murum penetrasset, rescripsit Mosquam.
 Quid postmodum de illo factum sit, mihi
 non constat.

цим Кимбалава шесть недѣль. Когда же
 приведемъ была къ Императору и оны
 него съ любезнѣйшимъ оскотрѣмъ, та
 получала подарка, и приказаніе просить
 своего Царя, чтобы онъ прислалъ упо-
 моточеннаго посла, съ которымъ бы
 можно было назначить границы Государевыя
 и заключать союзъ, о спокойномъ со-
 сѣдствѣ. Они возвратившись отсюда
 прибыли въ Москву и привезли Грамо-
 ту, писанную на Китайскомъ языкѣ,
 но которой однако никто не могъ
 прочесть. Помошь по прошенію по-
 чти трехъ лѣтъ отправилъ Московскій
 Царь туда посломъ якошорато Грека,
 по прозванію Славарія, съ полномочи-
 емъ войши къ перетовору о назначеніи
 границъ и заключить договоръ о буду-
 щей торговлѣ. Онъ пробѣжалъ чрезъ То-
 большку, разказывалъ, что въ Москвѣ
 были два Іезуита, Нанскіе Миссіонеры,
 которые просили Царя, чтобы имъ по-
 зволено было ѣхать съ оными посоль-
 ствомъ въ Пекинъ. Но такъ какъ не из-
 вѣстно было, какой успѣхъ будетъ имѣть
 посольство (посланію и дорога туда до то-
 го времени была не извѣстна), то помя-
 нутымъ Отцажь таковаго позволенія да-
 но не было; а посланніи они были чрезъ
 Астрахань въ Персію. Однако (говорилъ
 Славарій) Государь приказалъ мнѣ, что-
 бы я при возвращеніи, ежели которое
 Отцы Іезуиты пожелають возвратиться
 изъ Пекина въ Европу, вѣсть, сколько
 изъ будещь, вѣздъ съ собою и содер-
 жалъ бы хорошо въ нуши. Онъ прибылъ
 къ Китаю и когда пропущенъ былъ чрезъ
 стѣну, то описалъ о томъ въ Москву.
 Что же съ якимъ случалось послѣ того,
 мнѣ не извѣстно (36).

Ante annos 30 et plures, in oppido Ieniseio, militum Tribunus erat quidam Polonus. Cuius sororem virginem, cumquidam Praetor decessisset, indignatione ille ex fado facinore commotus socios ad seditionem concitavit. Qui proinde Praetore trucidato et Mercatorum tabernis diruptis, oppido excedentes, ad austrum perreterunt, et emensi malorum dierum iter, supra fluvium dictum Abazin munitionem construxerunt. Cuiusque per descensuum habitationem sibi firmament, misso Mosquam donatus Regie Maestati supplicabant, ut admissi facinoris culpam ipsi ignosceret; se vero spondebant, quotannis tributa à provincialibus exacturos, se ad Regem missuros. Rex igitur, venia illis data, predictum tribunum praetoris titulo ornavit, et Ienisejensi praetori mandavit, ut illis, de necessariis, quibus indigerent, prouideret.

Horum exemplum paucos post annos, secutus est miles quidam gregarius, in oppido Krasnoiaro. Collegit turmam sociorum, sed aboque scelere, et ad austrum longe progressi peruenerunt ad flumen Selesgam, quod cum piscosum valde et solam egregie frugum ferax animaduertisset: munitionem extruxerunt, et exacta aliquot annis, ad Regem miserunt nuntios cum muneribus (in quibus erat, ipsemet negotii auctor a nobis visus et nobis collocutus) postulabantque in protectionem suscipi, pollicentes tributa pensitare. Rex itaque etiam horum postulatioui liberaliter annuit.

За 30 и больше предъ нами лѣтъ въ городѣ Енисейскѣ была одна Полковникъ Полякъ. Когда нѣкоторой Воевода извѣстивъ ея сестру его дѣвцу, то она побуждаемая вѣстованіемъ за сіе гнусное злодѣіе, склонилъ словъ товарищей къ затвору. А потому она умертвила Воеводу и разграбивъ купеческія лавки, вышла изъ города, направилъ путь къ востоку, и шедши нѣсколько дней, на рѣкѣ Абазинѣ построила Авалнскую крѣпость. И когда къ продолженіе десяти лѣтъ утвердилъ тамъ свое жителство, то послѣвъ къ Москву подарки, просилъ Царское Величество, чтобы простилъ ихъ въ упомянутомъ преступленіи, и общался ежегодно съ провинціальнымъ жителямъ собирать подати и прислать къ Царю. И такъ Царь простивъ ихъ, вышеказаннаго Полковника почталъ титуломъ Воеводи, и повелѣлъ Енисейскому Воеводѣ снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ, въ чемъ столько они будутъ имѣть недоспахожъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ сему приѣхру послѣдовалъ одинъ рядовой солдатъ въ городѣ Красноарскѣ. Она собралъ роту товарищей, но не сдѣлавъ никакого преступленія, и прошедши далеко къ востоку, достигъ съ ними до рѣки Селеги. Коль скоро замѣтилъ, что она очень плодѣльна рыбѣю и земля тамъ весьма плодѣнна: то выстроилъ крѣпость и но преступивъ нѣсколько лѣтъ, отправилъ къ Царю съ подарками пословъ (между коими была и сама назначивъ дѣла, мною видѣнный и со мною разговаривавшій) просить о принятіи ихъ подъ покровительствомъ, общаясь властью подати.

Quoniam vero Regnum illud, quod multis cinctum narratur (*traditur*), Lusitani Chinam, siue Sinam, et urbem Regiam Pekinum; Scythae vero et Mosci Regionem Kitaj, urbem Kambalik vocitant: dubium erit, utrum ista unum, an diversa Regna essent. Sed postmodum (non ita pridem) innotuit: Kitaj nihil aliud esse, quam Sinam; et Kambalik esse Pekinum.

Alterum dubium erat: utrum mare glaciale sit continuum cum Oceano Ortuali, qui ab ortu Sibiriam, et inter medias australiores provincias Dauriam et Nikaniam, ac tandem Regnum Sinae alluit? an vero aliquo, a Sibiria ad ortum, exprorecto continentis terre tractu, maria ista dirimantur, Glaciale scilicet ab Ortuali siue Sinensi? Sed hoc dubium non sine resolutum est à militibus Prouinciae Lemensis et Nercisensis, qui tributorum exigendorum causâ totam illam oram, usque ad Oceanum peragrarunt, et affirmant nullum terre tractum exorrigi ad ortum, nec dicta maria dirimi, sed Sibiriam, Dauriam, Nikaniam et Kitajam, siue Sinarum, tunc continuo Oceano, ab ortu albai.

Cum vero a nonnullis quaereretur, anue possent naues, a porta Sancti Michaelis Archangeli, vel certe ab ostio fluminis Obiæ et ab oppido Brezonis, legendo continue, Sibiriz, Dauriz, Nikanizque

и шель Царь и на прозбу ихь охотно согласился (37).

А поелку оное царство, которое, какъ повѣствуютъ, ограждено сибирскими, Португальцы называли Хинзою или Сивою, а Императорскую столицу Пенкиномъ, Сином же и Москвитяне страку Китаемъ, а столицу Камбалкомъ; но и сомнительно было, одво ли оно, или разныя Государства, Но послѣ (не такъ давно) стало извѣстно, что Китай и что иное есть, какъ Хина, а Камбалкъ есть Пекинъ (38).

Другое было сомнѣе, соединено ли Ледовитое море съ восточнымъ Океаномъ, которой съ востока обтекають Сибиря, средня полуденныя области, Даурію и Никаію, а наконецъ царство Китайское; или какою лабо протажеищемъ матерой земли сіи моря между собою раздѣляются, то есть Ледовитое отъ восточнаго или Китайскаго? Но сіе сомнѣе въ недавнемъ времени разрѣшено козаками Ленской и Перчинской провинцій, которые для собираніе податей исходили весь оный край даже до самаго Океана, и утверждали, что ильни никакого протажеища земля къ востоку, и что сказанная моря же отдѣляются одно отъ другаго, во Сибирь, Даурію, Никаію и Китай или Хина окружаются съ востока однимъ непрерывнымъ Океаномъ (39).

Когда же иъвомере спрашивали, могутъ ли корабли изъ гавани Архангельской или изъ устья рѣки Оби и отъ города Березова, плыть безпрестанно оноло береговъ Сибиря, Даурія и Никаіи

latera ad Kotajum appellere? Responde-
bant dicti milites: in mari glaciali, gla-
ciem nunquam perfecte liquefieri; sed
per totam aestatem, ingentia et frequentia
glaciet-fragmenta pelago innatare, atque in-
vicem collidere; quae apta sint (praeser-
tium vento flante) quascunque naues eue-
tere.

Quod si (vero) quis obiecerit: quomo-
do igitur ex Cataio naues per Singali-
ostium, in Nikaniam penetrarunt, sicut
retulimus ante? Nouerit ille Singulum esse
praeterea glaciali permultum austro vici-
niorem et aequilimaticum Calcutiae, in
qua aqua stagnans, aestate praesertim sole ca-
lere, in salem densatur: ideoque non est
mirum si et glacies Oceani, in eodem
climate, perfecte liqueant, aut nulla con-
crescant. Cum igitur nulla appareat, com-
moditas, ut ex aliqua Sibiriae, aut Russiae
statione possent naues in Indiam pene-
trare, reliquum est, ut videatur id esse
possibile in littoribus Daüriae, aut Ni-
kaniae, circa Singali, Abazini, Selenge,
aut alterius fluminis estia: quod ortalui
influat Oceano.

прибыть въ Китай, но упомянутое ко-
звие ошибившоваши: что въ Ледови-
томъ морѣ никогда ледъ совершенно не
разтаиваетъ; но во все лѣто величай-
ша и масса маетя глыбы леду плава-
ють по морю и между собою встрѣча-
ются, которые въ состоянии (и особая-
но при вѣтрѣ) разрушить всякой ко-
рабль.

Если же бы кто возражалъ: какъ же
образомъ корабль изъ Китая чрезъ усю-
рскія Шангала достигал до Ниханіи, какъ
сказано выше? Да будетъ тому неизвѣ-
сто, что рѣка Шангала въ разсуденіи
Ледовитого моря гораздо ближе къ югу
и въ одномъ каньонѣ съ Калмыцкою зе-
млею, и что стоящая вода лѣтомъ
отъ солнечнаго жара стужается въ соль:
и поному вездвнншельно, ежели ледъ
Океана въ томъ каньонѣ совершенно
разтаиваетъ, или и совсемъ оного не
былаетъ. И такъ когда вѣтъ ника-
кой удобности, чтобы изъ какого либо
мѣста Сибири или Россіи могли корабли
переплывать въ Индію, то можно сіе
сдѣлать (40), отъ береговъ Дауріи или
Ниханіи около Шангала, Абазина, Селенги
или усюе другой рѣки, которая авд-
дася въ восточный Океанъ.

привезти былъ въ Китай Царемъ Алексеемъ Михайловичемъ въ 1675 году, съ Гримономъ и компаньонами купцовъ и друзей съ Китайскими Государями. Сверхъ того куплено ему было, изъ Императорской Канцелярии Правительству, посланно въ Нерчинскому Воеводѣ Гримоу, оставшагося по повелѣнію Магдюрского князя безъ перевода, для уведомленія его на Ачинскій ямъ и казенноопочинки: 1) чтобы впередъ при Гримоныхъ Китайскихъ посланцахъ были Ачинские поручики и переводчикъ для перевода Вого-Хана; 2) оба отправленія посланца Китайскаго въ Россію и о продолженіи на всегда торговли; 3) о извѣщеніи Русскихъ компаньонскихъ и самозваныхъ въ Китай поробѣщанцевъ, на переводу Китайскихъ въ Россію наводчиковъ, или съ злупствомъ; 4) оба отъезды въ Россію ежегодно серебра до сорока тысячъ рубл. (150 пудовъ) и на сколько можно отъезду въ Китай и сырку, также разныя редкости и драгоценныя камни изъ Государственныхъ казначей, въ замѣну Русскимъ произведеній, какъ по потребамъ будутъ; 5) о пріемѣхъ червонныхъ монетъ для скупки каменныхъ поделокъ; 6) о извѣщеніи для компаньонскихъ торговцевъ впередомъ, или какою угодно брашно и утварь. Сверхъ того посланца въ томъ чинились. Въ даръ Вого-Хану послано было съ нимъ: 5 соболей, 400 соболей, ласка: 13 червонныхъ, 1000 стамбл., 2000 горностаявъ, 50 аршинъ сукна, споломилъ часы, зеркало, 25 рыбныхъ зубокъ (по морскимъ ам.) 10 ямочекъ коралловыхъ (варяжскихъ) червонъ и акирирской поделокъ (?). Сверхъ, по предпринятому компаньонскому свидѣнію, купороса былъ Китайскими компаньонами на границѣ и послѣ немощи привезенный и высушенный, по докладу Министровъ Китайскихъ и компаньонствъ Вого-Хана, препровожденъ былъ въ Пекинъ, куда и прибылъ въ 1676 году, царствования же Канси въ 15 ямочъ и испорченъ былъ дружжелюбно; но по призыву подорыби Китайскихъ, производилло, по свидѣнію, компаньонствъ, несомнѣннѣйшимъ его свидѣніемъ, посланно въ Иркутскій и въ Обручскій Китайскій Гримоны, о извѣщеніи въ Россію Князя Ганомура, по желанію компаньонствъ успѣлъ въ поур-

ченность ему дѣлъ и компаньонствъ съ однимъ только компаньонствомъ подаркомъ, компаньонствъ или одного съдѣла съ серебряною монетою, серебрянаго съ золотомъ сырку (дубо) ямочка въ 40 ланъ (23 фунта), одной ямочки, 4 ямочки чаю и 15 различныхъ китайскихъ монетъ; самому же посланцу, компаньонству и компаньонствъ его сылку дано по одной Магдюрской ямочкѣ по своему приношенности и по ямочкѣ монетъ сылку и ямочныхъ монетъ.

Собойнѣ сіе ямочныхъ монетъ скаринкоу, или ямочкѣ сырку у нихъ въ переводѣ съ Магдюрскаго князя, русскаго журнала, веденнаго въ Пекинѣ, по случаю прибытія ямочъ посланца Спандри.

[17] О силѣ обоякъ прокатившихся по уведомленію на Миллера, на Фингера. Если сила въ силѣ дѣлъ скаринка: то не для думати, чтобы о ямочныхъ монетахъ ямочныхъ соборныхъ, не сохранились ямочкѣ или въ одной изъ Сибирскихъ Армакъ, посылки для Миллера и Фингера были скаринка.

[18] Князь Канси, а правитель Хань-балонъ или Хань-балондъ, было старшина Русское названіе Пекинъ, замѣстительное имя Монголомъ и означенію въ переводѣ Царь-градъ.

[19] Скаринка Миллера извѣстно уведомленъ (см. Соч. и перекъ къ полнѣ и уведомленію 1754, Генералъ, стр. 8), что съ первымъ сообщеніемъ извѣщенія о ямочнѣ, скаринка между Азією и Америкою, означенъ ямочъ къ 1756 году, къ Иркутской Военной Канцеляріи.

[20] Всего уведомленъ было бы достигнута восточнаго Обруча по р. Амуру; но скаринка по скаринку, какъ уведомленъ, производится на ямочныхъ монетахъ и ямочныхъ судкахъ, подобныя разныма, употребляемыя въ Волгѣ, которыя, ямочныя, при скаринкѣ его и скаринка: ибо Амурскій ямочъ или ямочка содержится съ ямочнѣ скаринка ямочнѣ и ямочнѣ скаринка, что не ямочнѣ скаринка; но и ямочнѣ судъ, съ скаринку посылки чрезъ ямочъ производится. При ямочъ же къ ямочнѣ ямочнѣ, и особенно ниже ямочнѣ Шингала, по ямочнѣ Амурскихъ береговъ, не ямочнѣ ямочнѣ судъ ямочнѣ, но ямочнѣ при ямочнѣ ямочнѣ судъ ямочнѣ ямочнѣ.